

УДК 94 (47). 083. 084. 3

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ЮГЕ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ
(1918–1922 гг.)**

© А.П. Шекшеев

Автор обобщенно освещает основные события Гражданской войны на территории южных местностей Енисейской губернии – современной Республики Хакасии и районов енисейского правобережья Красноярского края. Рассматривая их в контексте политической и вооруженной борьбы большевиков со своими противниками в целом по Сибири, он выявляет закономерности и особенности, присущие этому процессу в указанном регионе, обогащает и углубляет наши представления об этой трагической странице прошлого.

Библиогр. 91 назв.

Ключевые слова: армия красная и белая, «банды», бои, большевики, восстания, деревня, заговоры, инородцы, казаки, коммунисты, контрреволюционные организации, красноармейцы, крестьяне, милиционеры, отряды, повстанчество, советская власть, хакасы.

CIVIL WAR IN THE SOUTH OF YENISEIAN SIBERIA (1918–1922)

A.P. Sheksheev

Author describes main events of Civil War in southern regions of Yeniseiskaia governorate – current Republic Khakasia and regions of right bank of Yenisey River, Krasnoyarskii krai. Studying the political and fighting context of the struggle between Bolsheviks and their enemies in Siberia, author delineates common factors and special aspects of that tragic process in a regional scale.

91 sources

Keywords: Red and White Armies, “bands”, battles, Bolsheviks, uprising, village, plots, non-Russians, Kazaks, communists, counterrevolutionary organizations, Red Army soldier, peasants, militiaman, military troops, insurgents, Soviet power, Khakas.

Октябрьские события 1917 г. стали для России началом советской эпохи, состоявшей из великих свершений и трагедии её сограждан. К этому времени территория Хакасско-Минусинской котловины являлась отдаленным от центра регионом с небольшими очагами добывающей промышленности и начавшегося строительства Ачинско-Минусинской железной дороги. При малочисленности пролетариата и наличии казачества, инородцев основным населением здесь выступало сравнительно зажиточное крестьянство, что во многом и определяло закономерности и особенности дальнейшего процесса.

Начавшаяся в феврале того же года Великая российская революция завершилась взятием власти большевиками, которое вскоре из столиц распространилось по всей

стране, раскалывая общество на враждующие политические силы. В ночь на 29 октября 1917 г. представители совета и солдаты захватили в Красноярске правительственные учреждения, а состоявшиеся митинги гарнизона приветствовали «победу революции».

Вдохновляемые этими событиями, к власти устремились большевики в уездных городах. 31 октября Минусинский совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию о переходе власти в городе и уезде к советам. 10 ноября минусинские большевики, заявив о начавшейся Гражданской войне, объявили, что отныне власть в уезде принадлежит совету рабочих и солдатских депутатов, обязанному пополниться представителями от волостей. Упразднив должность уездного комиссара,

совдеп избрал исполком во главе с большевиком А.И. Плотниковым, указал городской думе и земской управе действовать в согласии с ним и предложил политическим противникам воздержаться от антисоветских выступлений.

Такое поведение минусинских большевиков не могло не вызвать протест со стороны служащих правительственных учреждений и членов общественных организаций. 13 ноября исполком Минусинского совета крестьянских депутатов, сочтя, что переход власти к советам может привести к Гражданской войне и краху революционных завоеваний, а местный совет рабочих и солдатских депутатов не выражает воли большинства населения уезда, высказался против этого «захвата» власти. Для определения её конфигурации он решил созвать крестьянский съезд. Совместное заседание этих органов, состоявшееся 16 ноября, закончилось решением о создании Временного объединенного исполкома, на плечи которого и была возложена задача подготовки проведения съезда [87, с. 67; 108, л. 2–3, 7–13, 18 а, 23 а; 110, л. 14].

Местное крестьянство, выбирая делегатов на него, наказывало им следовать в русле программных установок партии социалистов-революционеров (ПСР). Так, представители хакасского народа, осуждая большевиков за взятие власти, выступали за пропорциональное представительство групп населения и политических партий в советах, а также за созыв Учредительного собрания. Но, будучи самым многочисленным крестьянским форумом Енисейской губернии, съезд, состоявшийся в Минусинске 26–30 ноября 1917 г., проходил с нарушением норм организации и работы таких мероприятий: его участники не представляли всего крестьянского населения уезда, состав их не был «чисто крестьянским», нарушенной оказалась повестка дня, выступления и голосование делегатов осуществлялись под давлением большевиков, солдат и публики. С переходом власти в центре к советам и в ситуации раскола ПСР её представители в Минусинске не смогли противостоять большевикам, действовавшим с настойчивостью, посредством ловкого и беспринципного маневрирования.

Крестьянское представительство, находясь в атмосфере искусственного хаоса, созданного на съезде политическими противниками, и поверив большевистской демагогии, было вынуждено в вопросе о власти занять компромиссную позицию: провозглашая советскую власть, делегаты считали, что она ускорит созыв Всероссийского Учредительного собрания [164, с. 67–74].

Подводя итоги работы крестьянского съезда, местная газета сделала вывод о том, что его главная обязанность, заключающаяся в организации объединенного совета крестьянских, казачьих, солдатских и рабочих депутатов, была выполнена. Но она не удержалась от критики, полагая, что руководители съезда должны были, оставив политическую борьбу, предоставить крестьянству возможность самому выдвигать на обсуждение и решать волновавшие его вопросы [145].

Получив власть, большевики, в сущности, обманули крестьян. Минусинский совет под председательством К.Е. Трегубенкова был сформирован из равного числа представителей от городского и сельского населения, хотя последнее здесь являлось преобладающим. Вскоре деревенские депутаты совета оказались в меньшинстве и под контролем численно растущего большевистского ядра. Членами их организации были рабочие-депутаты, а в целом она здесь состояла из 100–120 членов.

В обстановке, когда состоявшийся в Томске чрезвычайный съезд (6–15 декабря 1917 г.) провозгласил идею автономии края и образования сибирской государственной власти во главе с социалистами-революционерами, большевики предложили свой вариант регионального самоуправления и на практике стали претворять его в жизнь. На местах они сначала не вмешивались во внутренние дела коренного населения и не мешали ему заниматься повышением собственного статуса. Со своей стороны, представители хакасского народа для достижения его суверенизации были готовы служить советской власти.

Наряду с конструированием отделов исполкома и судебных органов, совдеп сразу же начал создавать свои собственные вооруженные силы. Опорой большевиков

была Красная гвардия, которая стала организовываться в соответствии с постановлениями Объединённого исполкома от 21 и 27 декабря 1917 г. Она состояла из 80–90 членов бывшей милиции, большевистской организации, Союза трудящейся молодёжи и солдат гарнизона. Соответственно с январским 1918 г. призывом совдепа «Ко всему трудовому населению Минусинского края» отряды Красной гвардии стали формироваться и в населённых пунктах уезда [87, с. 105].

Обладая вооруженной силой, совдеп перешёл к использованию в отношениях с «капиталистами» и политическим противником силовых методов. Арестовав руководителей правоохранительных органов и кооперации, Объединённый исполком 20 января 1918 г. постановил осуществить принудительный заем денежных средств у зажиточного населения и даже счёл возможным заявить о необходимости роспуска Учредительного собрания [108, л. 78; 109, л. 7].

Создание органов советской власти осуществлялось одновременно с ограничением большевиками деятельности и влияния на общество земских органов самоуправления. Свертывание земств, как и осуществляемое формирование органов советской власти, было встречено крестьянством неоднозначно. Советское строительство активизировалось здесь после IV уездного крестьянского съезда (21 января 1918 г.), на котором представители бедняцко-среднезажиточных слоёв деревни одобрили ликвидацию Учредительного собрания и, поставив земство под контроль новой власти, приняли положение, определявшее состав, компетенцию и порядок деятельности советов. Определённую работу по организации советских учреждений проводил и сформированный 8 марта специальный отдел Минусинского совдепа. На территории инородческих волостей первый совет был создан 24 марта 1918 г. в аале Сайгачи. Советы вскоре возникли в Уйбате и других хакасских селениях.

Но были силы, которые с самого начала не признавали советскую власть. На состоявшемся 30 октября 1917 г. общем собрании правления Енисейского казачьего вой-

ска и дивизиона в Красноярске казаки приняли резолюцию, предложенную войсковым атаманом А.А. Сотниковым, о поддержке власти Енисейского губернского комитета объединённых общественных организаций, стоявшего за передачу её в дальнейшем Учредительному собранию.

Поддерживая стремление большевиков к уничтожению сословий, встретив лишь пассивное сопротивление казачества и пытаясь окончательно избавиться от угрозы, исходившей с его стороны, местная власть перешла к решительным действиям. 18 декабря того же года Енисейский губернский исполком принял решение о демобилизации казаков, роспуске войсковых органов и разоружении офицеров. Создав военно-революционный штаб и вызвав красногвардейские отряды, он организовал охрану города и прекратил выплату содержания казачьим офицерам [24, л. 1; 102, с. 301, 305, 309; 103, с. 66; 4, с. 113].

Вернувшийся с томского съезда, Сотников 17 января 1918 г. провел собрание дивизиона. Считая, что судьбу казачьего сословия может определить лишь Учредительное собрание, его участники постановили не признавать советскую власть, как не выражавшую воли всего народа, и отвергли требования губернского исполкома о своей демобилизации и разоружении. Во избежание вооруженного столкновения казаки оставили город, а большевики использовали эти волнения для укрепления своей власти в Красноярске.

С Сотниковым ушли 177 казаков, 67 офицеров, 44 гимназиста и семинариста. Но желающих воевать среди них оказалось немного. Поэтому войсковое правление постановило вести казаков по станицам Минусинского уезда и собрать там Большой войсковой круг. В походе в сторону Минусинска участвовали 120 казаков и 25 офицеров при двух пулемётах [94, с. 146–147; 100, с. 147–148; 147, 24 января].

Получив известие о приближении дивизиона, Минусинский совет объявил город на военном положении и начал усиливать вооружённые силы. Предоставление денежного довольствия и пайков красногвардейцам подкреплялось и агитацией, которую осуществляли сторонники советской

власти. Документы, попавшие в руки большевиков при аресте в Минусинске председателя войскового правления И.Г. Казанцева, помогли им еще раз политизировать происходившие события, обвинить Сотникова в намерении захватить Минусинск и его «кровожадности» [8, с. 56–57].

С целью выигрыша времени для создания вооруженных сил Минусинский совдеп решил начать с казаками переговорный процесс и послал специальную делегацию. 4 февраля 1918 г. Сотников привел дивизион в станицу Каратуз, очищенную от местных большевиков, и на митинге призвал казаков бороться за власть Учредительного собрания. Пытаясь сгладить остроту большевистской пропаганды и завоевать расположение населения, войсковое правление в воззвании от 7 февраля 1918 г. заявило: «Крестьяне! Мы, казаки, – ваши товарищи, и не может быть речи о какой-нибудь вражде между нами». 15 февраля 1918 г. в Каратузе начал работу Большой войсковой круг, или III съезд енисейского казачества. Его участники, одоблив решения своего правления и действия атамана, постановили сохранить дивизион до волеизъявления народа о судьбе казачества, избрали должностных лиц, а Сотникова – вновь атаманом [109, л. 12; 1, л. 18–18 об; 146, 15(2) марта; 156, 7 (25 июля) августа].

Выдвинутые казачьим съездом «условия соглашения» в Минусинске уже не обсуждались. В тот же день собравшийся V Чрезвычайный уездный крестьянский съезд обратился к населению с новым призывом о формировании Красной гвардии и потребовал от казаков разоружения. 7 марта пленарное заседание Минусинского совета постановило переизбрать Военно-революционный комитет (ВРК), а его новому составу приступить к выполнению решений съезда о подавлении казачьего мятежа. С приходом в Минусинск отрядов из Черногорских копей, рудников, ст. Абакан и др. селений, советская власть вскоре располагала почти тысячей красногвардейцев, для вооружения которых были доставлены 2 орудия, 3 пулемета, винтовки и патроны.

Воинственные намерения минусинских большевиков заставили Сотникова искать поддержки у станичников левобережья

Енисея. Однако ситуация во взаимоотношениях советской власти и казачества еще не стала взрывоопасной, ведущей к широкому и острому политическому противостоянию. Сотникову удалось склонить на свою сторону немногих казаков. Направив в ночь на 14 (1) марта из Минусинска вслед за дивизионом первую партию красногвардейцев, днем – вторую, а утром 16-го – третью с трехдюймовкой и потребовав от казаков сложения оружия и ареста офицеров, ВРК пригрозил им в случае отказа подвергнуть их станицы артиллерийскому обстрелу.

С началом выступления отрядов в Минусинске произошли события, названные большевиками антисоветским выступлением. Явившись на квартиру и потребовав денежную сумму, некие лица убили инженера Н.С. Берсенева. Собравшись у его могилы, общественность обратилась в совдеп с требованием прекратить вербовку в Красную гвардию уголовников и созыва городской думы. Её заседание, назвавшее убийцами красногвардейцев, было прервано залповой стрельбой на улице, бегством толпы и паникой в думе. Разогнав митингующих, власть задержала некоторых гласных и воспретила собрания жителей.

Проходивший в это время в с. Аскиз съезд хакасского народа одобрил положения о суде хакасов и степном самоуправлении, избрал свои законодательный (Степная дума) и исполнительный (Степная управа) органы. Выслушав появившихся на съезде представителей казачества и Красной гвардии, его участники решили воздержаться от участия в конфликте. Вошедшие в селение 250 красногвардейцев занялись поиском оружия, взыскали штраф с некоторых жителей и уволили волостного писаря, как одного из инициаторов съезда, но большинство его участников успели скрыться.

Не дождавшись поддержки от казаков и инородцев, Сотников был вынужден бежать. Выступив 19 (6) марта из с. Иудино, красногвардейцы одного их отрядов вошли в Таштып. Здесь они арестовали офицеров и организовали советы в ближайших селениях.

26 (13) марта в Минусинском уезде было снято военное положение, а 5 апреля делегация его совета отчиталась в Красноярске о своей деятельности. В целом по губернии были арестованы 300 участников мятежа, в тюрьму заключены 30 офицеров, а 6–8 чинов застрелились. Созданная Минусинским исполкомом чрезвычайная следственная комиссия, выявив в станицах «ядро заговорщиков», собрала с казачества контрибуцию [102, с. 416; 1, л. 18 об.; 107, л. 241, 243, 245–247, 253, 256 а, 259 б; 109, л. 12, 15, 26 а; 112, л. 52–54, 61, 147–148; 153, с. 169–170; 156, 6 (19) марта].

Наряду с мятежными казаками, с февраля 1918 г. под командованием штабс-ротмистра Ямбургского уланского полка Э.Г. Фрейберга действовал Ачинский конно-партизанский отряд, сформированный из 78 бежавших из Красноярска бывших студентов, гимназистов и кадетов. Передвигаясь по Ачинскому, Красноярскому и Минусинскому уездам, они разгоняли местные советы и взорвали в тылу у красногвардейцев железнодорожный путь [155, с. 204–205].

Контролируя ситуацию, совдеп в апреле 1918 г. решил прекратить существование в Минусинске уездной земской управы. В то же время он предложил собственный вариант управления инородцами, направленный на их консолидацию. 25 апреля того же года члены совдепа утвердили «Положение о хакасском степном самоуправлении», а 27 апреля – «Положение о суде хакасов». Эти документы демонстрировали попытку разрешения национального вопроса в соответствии с декретами советской власти. Инородцам Минусинского и Ачинского уездов было предложено избирать сельские, волостные, а также Хакасский Степной советы.

Но в целом по уезду волостные и сельские советы получили распространение в селениях в основном вблизи Минусинска и в волостных центрах. С их организацией власть в уезде перешла к лицам, не имевшим опыта руководящей работы, решения социально-экономических вопросов и действовавшим в русле общей политики большевиков. Не считаясь с необходимостью разделения властных функций и усиливая

их централизацию, Объединённый исполком выступал одновременно в качестве законодательного, исполнительного и судебного органа и решительно подчинял местные интересы общегосударственным [158, л. 26–27, 33].

Не справились большевики и с продовольственными заготовками. Созданный в с. Усть-Абаканском и на ст. Абакан один из первых продовольственных отрядов Сибири, обследовав ряд селений Усть-Абаканской волости, произвёл реквизицию хлебных «излишков» по твёрдой цене, что вызвало жалобы жителей в уездный совет. Минусинские большевики были вынуждены потребовать от местных властей прекращения обысков и запугивания хакасов [112, л. 135; 160, с. 101–102].

Енисейская губерния могла помочь большевистскому правительству продовольствием, лишь выкачав хлеб в Канском и Минусинском уездах. Однако на юге региона к этому времени наблюдался финансовый и экономический кризис. Вследствие неурожая 1917 г. во многих волостях отсутствовал даже семенной хлеб, а совдеп не смог обеспечить продовольствием некоторые категории населения. В телеграммах Совнаркому РСФСР от 1, 3 и 13 апреля 1918 г. он сообщал об истощении денежных средств и о большом недостатке продовольствия, вследствие чего стала останавливаться работа промышленных предприятий, советских учреждений, а армия безработных выросла до 3 тыс. человек. Информировав центральную власть о закрытии школ, голодании лиц, находившихся в больницах на излечении, и смерти солдаток от истощения, он умолял «оказать хотя бы какую-нибудь помощь». Убедившись, что её не дожидаться, совдеп 28 апреля направил во ВЦИК просьбу разрешить ему штемпельвать и использовать старые денежные купюры [90, л. 4; 91, л. 61; 93, л. 1–2]. Но советская власть предложила еще более радикальный путь решения хлебной проблемы: декретами ВЦИК от 9 мая, ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. она объявила продовольственную диктатуру.

Оказавшись в информационной блокаде и пытаясь с целью подавления антибольшевистских настроений объединить

вокруг себя рабочих и деревенскую бедноту, Минусинский совет объявил о созыве VI уездного крестьянского съезда. Однако состав делегатов открывшегося 1 июня (19 мая) 1918 г. съезда оказался из лиц, заявивших о признании власти Всесибирского Учредительного собрания, критически настроенных к деятельности совдепа и потребовавших у него финансовой отчетности. Поэтому Военно-революционный штаб (ВРШ), опираясь на Красную гвардию, распустил этот съезд, а крестьянство приступило к избранию делегатов нового съезда [20, л. 2; 87, с. 160; 109, л. 56–57, 59]. Несмотря на наблюдаемый в Минусинском уезде кризис, состоявшееся 20 мая заседание совдепа решило реквизировать хлеб у «кулаков».

Однако внезапно для всех политических сил состоялось выступление чехословацких легионеров, которые под командованием капитана Э.В. Кадлеца и подполковника Б.Ф. Ушакова 25–29 мая 1918 г. захватили Мариинск и Канск. В связи с тем, что советская власть в Сибири начала агонизировать, дальнейшие продовольственные заготовки вышли из-под контроля советских органов. Особую неприязнь минусинских крестьян вызывала заготовительная деятельность членов делегации губернского исполкома, её эмиссаров, порождавшая в деревне конфликтные ситуации. Действия одного из отрядов в с. Шалаболино послужили поводом к выступлению местного крестьянства [107, л. 502; 109, л. 59; 95, с. 72; 7, 3 июля].

К этому времени вооруженные силы Минусинского совдепа, вследствие отправки отрядов в Красноярск, уменьшились до 200 красногвардейцев. Сельские же сходки объявили мобилизацию крестьян в дружины. Объединившись под с. Шалаболино, повстанцы 20 (7) июня двинулись к Минусинску и попытались сразу им овладеть. В перестрелке были убиты казачий офицер и бывший учитель Кушнарев, прапорщик и рядовой, а также погибли пятеро защитников города.

В Минусинске, окруженном 5–7 тыс. казаков и дружинников, находившихся под командованием бывших офицеров Г.М. Прохорова, И.И. Занина и др., проходил VII

уездный крестьянский съезд, делегаты которого боролись за власть с большевиками. Среди дружинников находился и отряд инородцев, лидеры которых поддержали смену власти. После налета повстанцев на Минусинск большевики 21 июня объявили его на осадном положении. Но в связи с падением советской власти в Сибири и ультиматумом крестьянского съезда совдеп был вынужден согласиться с разоружением красногвардейцев. 26 (13) июня съезд объявил, что власть до созыва Учредительного собрания перешла к Временному Сибирскому правительству, а в Минусинском уезде – к уездному комиссариату [7, 5, 7 июля; 87, с. 177, 186, 200–203; 111, л. 12, 14–21; 133, 31 (18) декабря; 144, с. 117] и земскому самоуправлению. Уездным комиссаром стал социалист-революционер П.Н. Тарелкин.

Серьёзной опоры в массах антибольшевистские силы не имели. Правое крыло их блока составляли кадеты, торгово-промышленные, офицерские и казачьи организации, центр – областники и народные социалисты, а на левом фланге находились социал-демократы, организации коренных народов и социалисты-революционеры. Для «бело-зеленых» была характерна идейно-политическая несовместимость «революционных демократов» и сторонников авторитарной формы правления, которая порой не позволяла им выступать единым фронтом. Так, участники того же VII съезда в Минусинске, заявив о поддержке власти Временного Сибирского правительства, несмотря на объявленный им призыв населения в армию, разрешили мобилизацию лишь офицеров и казаков [87, с. 203; 111, л. 12, 14–21].

Казачество с готовностью откликнулось на объявленную мобилизацию. 8 и 16 июля 1918 г. 300 казаков были отправлены из Минусинска в Красноярск. Здесь под командованием хорунжего В.М. Розанова был создан 1-й Енисейский казачий полк, насчитывавший более 500 сабель. В составе Добровольческой армии он вместе с чехословацкими легионерами очищал Забайкалье от войск Центросибири. Затем часть енисейских казаков отправилась с корпусом генерала А.Н. Пепеляева на Урал, где

сражалась под г. Пермью [2, с. 131; 7, 10 июля; 134, с. 88, 96; 156, 11 (28 июня), 17 (4) июля].

Между тем новая власть стала терять сторонников не только на стадии организации, но и в дальнейшем отличалась острым соперничеством различных политических группировок и социальных групп. Развитие событий подстегивало амбиции хакасской общественности, которая, ощущая слабость господствующих политических сил, всё более проникалась чувством самоутверждения и настойчиво продолжала добиваться от них оформления консолидации своего народа. Новый съезд его представителей, собравшись в июле 1918 г., восстановил Степную думу и управу. Председателем управы был избран кооператор, общественный деятель и ученый С.Д. Майнагашев.

Но Временное Сибирское правительство откладывало окончательное решение вопроса о правах сибирских народов до созыва Учредительного собрания. Состоявшееся в Минусинском уездном земском собрании рассмотрение выделения хакасских волостей в самостоятельное земство закончилось созданием комиссии для выработки проекта. Губернское же земское собрание, заседа 11 сентября 1918 г., постановило организовать новое земство из национальных волостей только с января 1919 г. В марте 1919 г. Степной управе из-за финансовых затруднений было предложено сформировать Хакасский земский союз в составе Минусинского уездного земства [156, 1 (19 августа), 3 (21 августа) сентября, 21 (8) сентября; 157, 3 апреля (21 марта)].

В то же время власти стремились использовать инородческое население в начавшейся вооруженной борьбе с большевиками. Еще в августе 1918 г. прошедший по инициативе минусинских властей VII национальный съезд принял резолюцию о призыве хакасов в Добровольческую армию. Однако возникшие в обществе пацифистские настроения позволили сформировать в составе Енисейского казачьего войска лишь одну сотню, состоявшую из инородцев [159, с. 191–192].

Деревня в основном оставалась пассивной и не реагировала на совпавшую с поле-

выми работами смену власти. Правительство аннулировало советские декреты и запретило советы, но в некоторых селениях они существовали вплоть до сентября 1918 г. Начиная с осени того же года, в тыловые районы стали забрасываться большевистские агенты, которые транспортировали для организации сопротивления денежные средства. Хотя связь таких эмиссаров с деревней являлась слабой и эпизодической, между нею и властями стали накапливаться противоречия. Первые же признаки неспособности «верхов» контролировать ситуацию вызвали корпоративно-анархистское движение «снизу», которое вылилось в рост преступности и просоветские настроения крестьянства.

Находясь в тисках бюджетного дефицита, Временное Сибирское правительство объявило сбор государственного налога и недоимок. Деревня же, не знаяшая поземельных налогов, отмененных декретом о земле, ответила на эту акцию саботажем их уплаты. Взаимоотношения между властями и крестьянством еще более усугублялись борьбой правоохранительных и акцизных органов с нарушениями винной монополии. Посланный минусинскими властями сводный отряд казаков и милиционеров, собирая налоги и возвращая дезертировавших из армии новобранцев, осуществлял еще и погромы самогонных заводов, которые озлобляли население.

В начале ноября 1918 г. сбежавшиеся в с. Дубенское Тигрицкой волости толпы крестьян численностью в 400–500 человек, частично перебив, прогнали представителей власти. Такой исход событий заставил её объявить Минусинск на осадном положении и создать в станице Каратуз дружину. Мятежники же организовали комитет во главе с бывшим каторжником Кульчицким и фельдфебелем Ошепковым, который разослал по уезду воззвания, обвинявшие казаков в жестокостях и призывавшие установить «крестьянское» правление. 10 ноября они захватили Каратуз, где растерзали более 20 сдавшихся станичников и представителей общественности. Посланные на помощь казакам из Минусинска добровольцы также понесли потери и были вынуждены вернуться обратно [87, с. 206-

208; 101, 29 ноября; 137, с. 20, 22, 30–31; 167, с. 26].

Вскоре волнения распространились на территории трети волостей уезда. Прервав телеграфную связь Минусинска с Красноярском и волостными центрами, повстанцы изолировали местную власть. Несмотря на то, что часть крестьян отказалась участвовать в выступлении, а из тех, кто примкнул, только 2 тыс. имели огнестрельное оружие, остальные же выступали с вилами, дубинами, топорами, ножами и пиками, объявленная штабом мобилизация, охватив все слои населения, собрала до 10 тыс. мятежников. Они составляли десять «армий». Самая крупная из них (командующий Лебедев) находилась в Бейской и Иудинской волостях и намеривалась захватить казачьи станицы енисейского левобережья. Другая «армия» (Зенков) располагалась в Ермаковской волости, защищая тылы повстанцев со стороны Усинского тракта. Три «армии» (Зуев, Ищенко) с целью изолировать Минусинск с севера захватили с. Городок. Еще пять «армий» (Жилкин, Казанцев, Кислицын, Обухов, Смольский, Чихачев и Шаповалов) были сосредоточены вблизи города и готовились к его штурму [21, л. 257; 99, с. 28–29; 137, с. 26, 32; 168, с. 82].

Став пристанищем беглецов из селений уезда, Минусинск сначала не обладал силами, достаточными для своей защиты. На помощь городу прорвались 5-я сотня и учебная команда Енисейского казачьего полка при четырёх пулемётах, возглавляемые хорунжим Розановым. Из Иркутска в Минусинск была переброшена учебная команда 10-го Байкальского полка, дополненная орудием. Их прибытие и объявленная думой мобилизация позволили создать гарнизон из 957 военнослужащих. Оборону города возглавил генерал-майор И.Ф. Шильников. Позднее она пополнилась командой красноярского батальона и дружинами, сформированными из 375 местных казаков [137, с. 25, 27, 29].

Первая попытка защитников города прорвать окружение и восстановить связь с губернским центром оказалась неудачной. Новое и внезапное наступление на Городок было осуществлено отрядом есаула Бекевича-Валуевского, который, используя ар-

тиллерийский обстрел и атаку, заставил мятежников бежать из горевшего села. Не зная об этом поражении, повстанческие «армии» 21 ноября повели наступление на Минусинск. Толпы пьяных крестьян несколько раз останавливались огнём сторожевого охранения и атаками казаков. Вернувшийся из похода отряд, атаковав, отбросил часть мятежников. Повстанцы же, наступая цепями, в сумерках кое-где достигли пригорода. Но начавшееся среди них массовое дезертирство вскоре вылилось в отступление, а потом и бегство.

Потери защитников города составили три человека убитыми и 18 – ранеными. Мятежники же в бою под Городком потеряли убитыми 68, а под Минусинском – 19 человек.

24 ноября правительственные отряды выступили в поход по уезду, а 30-го – в Минусинске было снято осадное положение и демобилизованы горожане. Не принимая боя, сохранившаяся на енисейском левобережье повстанческая «армия» стала расходиться. Осуществляя этот рейд, отряды арестовали 678 участников беспорядков и собрали почти 24% всех податей, недоимок и земских сборов, числившихся за населением. Напуганные их появлением общества выслали военному начальнику 388 дезертиров. 7–11 декабря правительственные отряды, выполнив поставленную задачу, вернулись в Минусинск. Созданные для расследования беспорядков и наказания виновных следственные комиссии на 10 февраля 1919 г. рассмотрели дела 770 задержанных, подвергнув тюремному заключению 182 и оштрафовав 270 человек. Военно-полевой суд приговорил 87 активных мятежников к смертной казни и 50 к каторге [87, с. 208; 99, с. 33, 41, 45; 137, с. 24, 26–30, 32–33; 168, с. 82].

Но вскоре нахождение правительственных войск в уезде стало головной болью для гражданской власти. Руководить окончательной ликвидацией восстания был назначен подполковник Романенко, который сообщил командованию о фактах грабежа, порок населения, совершаемых казаками, а также офицерских пьянок и дебошей. Несмотря на изъятие у населения оружия, считать его успокоенным, согласно

наблюдению очевидцев, было нельзя [104, с. 15; 137, с. 31, 33–35].

Ноябрьский 1918 г. переворот позволил правым силам в лице Российского правительства А.В. Колчака возглавить борьбу с большевиками.

Между тем с этого времени в гористотаежных, малодоступных зимой местностях Заманья, в северной части Канского и Ачинского уездов, заселенных переселенцами, возникли новые очаги крестьянского повстанчества. Их образование, являясь особенностью сибирского партизанского движения, нарушало сообщение по Транссибирской магистрали и дестабилизировало обстановку в тылу у правительственных войск, которые вели борьбу с Красной армией.

Поэтому вся деятельность властей на местах, зачастую перешедшая к военным, была сосредоточена на поисках сил и средств ликвидации окрепших и организованных мятежников. Соответственно с приказами уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Енисейской губернии и Нижнеудинском уезде Иркутской губернии генерал-лейтенанта С.Н. Розанова от 10 февраля и 2 апреля 1919 г. властями и крестьянскими сходами началось формирование дружин самообороны. Их члены чаще всего выполняли обязанности тылового охранения правительственных отрядов или во избежание беспорядков занимались изоляцией лиц, ранее замеченных в симпатиях к большевикам, что нередко вело к самоуправству и бессудным расправам.

Кроме воинских отрядов и дружин, другой силой, организованной в Минусинском уезде и способной выступить против повстанчества, оставалось казачество. Уже в феврале 1919 г. минусинские казаки в составе правительственных войск участвовали в бою с мятежниками под Маклаково и освобождали г. Енисейск. Успешно действовали подразделения 1-го Енисейского казачьего полка в марте того же года против партизан на севере Ачинского уезда, где они выбили отряд П.Е. Щетинкина из с. Троицкого. Подошедшая из Минусинска сотня во главе с есаулом Г.К. Бологовым перекрыла пути отхода повстанцев в юж-

ном направлении. Удачную вылазку продемонстрировали казаки, действуя уже против повстанцев Степного Баджея в районе с. Голуховского [3, с. 75–76; 94, с. 132; 137, с. 80, 120, 122, 125, 179, 185, 188; 148, 4 марта (19 февраля); 154, с. 77].

В условиях ширившегося крестьянского повстанчества борьба с ним занимала все большее место в деятельности дружинников. В сторону Ачинского уезда выдвигалась Минусинская городская дружина, а абаканские дружинники преследовали партизан Щетинкина и вели бои с «бандой» Перевалова.

Имела место и попытка властей вновь опереться на коренное население. 4 апреля 1919 г. Розановым в штаб Иркутского военного округа была отправлена телеграмма, указывавшая на необходимость призыва до 300 молодых хакасов. Будучи в основном законопослушными, инородцы оказывали поддержку белым в ликвидации «банд», выявляли и преследовали лиц, пытавшихся по политическим мотивам скрываться на их территории. 10 мая 1919 г. власти Минусинского уезда приняли решение о переводе хакасов в военнообязанные и предложили инородческим волостям организовать с целью борьбы с грабителями и большевиками дружины-турзины численностью не менее 200 человек [162, с. 66].

Специально для борьбы с партизанским движением распоряжением МВД Российского правительства от 10 февраля и «Положением» от 21 марта 1919 г. был сформирован отряд особого назначения во главе с поручиком В. С. Коротковым, насчитывавший 800 военнослужащих. Одна из его рот располагалась в Минусинске.

14–15 мая 1919 г. правительственные и чехословацкие войска начали наступление на партизанские районы. 15 июня после многодневных боев они заняли с. Степной Баджей, а 18-го – с. Тасеево, главные очаги повстанчества.

С осуществлением белыми этой операции более 1,3 тыс. повстанцев прорвались в Минусинский уезд. Проследовав в район с. Шалаболино и Курагино, они 24–25 июня пытались наступать на Минусинск, переправившись через р. Тубу. Реальной вооруженной силы, противостоявшей этому

натиску, здесь не было. Поэтому в городе вооружалось и становилось на его защиту население. В Минусинск стали прибывать крестьянские дружины. Совместно с казачьими отрядами они, возглавляемые поручиками Ценбергом и Заниным, отбили наступление партизан. Хорошими воинами показали себя конники из отряда инородцев.

Потерпев неудачу в боях за переправы, партизаны двинулись вверх по Тубе, оставляя за собой разоренные селения. Пополнившись 300 местными повстанцами и заставив отступить Минусинскую городскую дружину, они 29 июня вышли в район Каратуза. Местные казаки атаку партизан отбили и оставили переправу через р. Амыл за собой. Подошедший казачий отряд с пулеметами и во главе с атаманом А.Н. Тялшинским укрепил позиции защитников станицы. Но происшедшее затем разложение бойцов позволило партизанам форсировать р. Амыл и занять Каратуз, который подвергся разгрому, а его жители – убийствам, издевательствам и мародерству. 4 июля партизанские разъезды появились уже в селениях, близких к Минусинску, а 800 повстанцев при трех пулеметах выступили со стороны д. Жеблахты на с. Казанцево [105, 29, 26 (13), 27 (14), 29 (16) июня, 2, 3, 5, 6 (15, 20, 22, 23 июня), 12 (29 июня), 13 (3) июля].

К этому времени правительственные силы состояли из отрядов есаулов Шабалина, Фролова и поручика Ценберга, общей численностью в 700 казаков и 2 тыс. штыков, и под общим командованием есаула Бологова. Оставив с. Казанцево, он перебросил на другой берег р. Оя 350 дружинников с двумя пулеметами. Окопавшись и обороняясь, они продержались до подхода свежих сил. Пополнившись пехотой и артиллерийским взводом, отряд Бологова 6 июля отбросил противника. Потеряв более 50 человек убитыми, партизаны бежали в Жеблахты и Шушенское, а Каратуз и Ключи были от них очищены.

В ночь на 7 июля отряд сотника Мамаева выступил на Ермаковское. Казаки и дружинники вновь сбили партизан с позиций и заставили бежать к переправе. Быстрым продвижением казаков на д. Григорьевку

части под командованием Щетинкина были отрезаны в Шушенском и пытались уйти на енисейское левобережье. Но затем они были вынуждены по вьючной тропе уходить в Усинский край. 8 июля в районе д. Верхний Кебеж главные силы партизан артиллерийским огнём были в очередной раз «опрокинуты» и бежали через Григорьевку на Усинскую колесную дорогу [105, 8, 9, 10, 11 (24, 26, 27, 28 июня) июля].

Надеясь при поддержке монгольских властей и местного населения получить передышку, определить судьбу лазарета и пополнить свои части для дальнейшей борьбы с белыми, партизанское командование повело остатки своего воинства в Урянхайский край.

Руководство Белой Сибири, не желая усиливать недовольство населения, так и не решилось провести в тыловых округах мобилизацию бывших фронтовиков и запасных солдат, которых оно считало политически неблагонадёжными. Армия состояла в основном из лиц, являвшихся противниками большевизма, но которым требовалась военная подготовка.

Обстановка же на фронте заставляла незамедлительно искать новые возможности пополнения частей. По поручению генерала Розанова 27 мая 1919 г. была объявлена мобилизация инородцев, позволившая набрать 165 человек. После военной подготовки в Красноярске Хакасский дивизион Енисейского казачьего войска отбыл на фронт [149, с. 52].

Выявленный недостаток сил для борьбы с повстанцами заставил атамана Тялшинского решиться на попытку переподчинить себе 1-й Енисейский казачий полк, закончившуюся конфликтом с командованием. В то же время начавшееся наступление Красной армии вызвало еще одну мобилизацию енисейского казачества. Сотни 1-го Енисейского казачьего полка вновь ушли на фронт, а в станицах началось создание 2-го Енисейского казачьего полка. Наконец, с целью усиления поддержки со стороны казачества постановлением Российского правительства и приказом Верховного правителя енисейцы в июне 1919 г. получили признание в качестве отдельного

казачьего войска [63, л. 203; 92, л. 38; 94, с. 112–113].

При недостатке человеческих ресурсов большое впечатление на местную власть произвели активные действия против партизан определенных категорий населения. Губернское чрезвычайное земское собрание высказалось за материальную поддержку организации и существования дружин самообороны, а 27 июня 1919 г. правительство приняло специальный закон о данных сообществах, стимулирующий их создание.

Вместе с тем в конце лета 1919 г. обстановка на юге Енисейской губернии стала меняться под воздействием событий, имевших место в Урянхайском крае. Появление здесь партизан, уничтоживших заслон и вступивших в с. Верхне-Усинское, вызвало панику среди краевой администрации и её защитников. Но и партизанская армия, войдя 18 июля 1919 г. в г. Белоцарск, переживала внутренние противоречия. Посланный вслед за повстанцами и состоявший из тысячи казаков и пехотинцев, отряд Бологова нашел их части разбросанными и не готовыми к боевым действиям. Внезапно начатое наступление позволило белым вступить в Белоцарск. Однако исход боя, проходившего при примерном равенстве сторон, был predetermined стечением обстоятельств, в частности изменой новобранцев. Он закончился 30 августа поражением правительственных войск, понесших значительные потери.

Победа партизан имела большое значение для стабилизации политической обстановки в Урянхае и укрепления их армии. Пополнившись 500 русскими и сойотскими добровольцами, артиллерией и кавалерией, реорганизованная армия А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина 4–8 сентября 1919 г. двинулась на Минусинск [161, с. 273–286].

С наступлением партизан местные власти обратились к населению с воззванием, в котором призвали его создавать дружины. Навстречу повстанцам на перекресток Усинского и Белоцарского трактов был выдвинут отряд полковника Чекирова, состоявший из остатков бологовцев и 600 дружинников. Окапываясь и перестреливаясь с превосходящими силами противника, он не выдержал их клещевых маневров и вскоре

отступил. Соединившись, партизанские части 7 сентября заняли д. Григорьевку, а 11 – начали бой с отрядом полковника Романенко в районе Думной горы.

Еще 9 сентября пароходами из Красноярска в Минусинск были отправлены батальон и батарея 3-й чехословацкой дивизии, но эта помощь оказалась запоздалой. 12 сентября повстанцы во главе с Щетинкиным, используя обходный маневр, заняли Даниловский завод. Уговорив находившихся там новобранцев сдать оружие, они вынудили основные силы белых отойти в с. Городок. С эвакуацией правительственных учреждений, организованной по приказу начальника Усинско-Урянхайского края генерал-майора В.Л. Попова, партизанские части 13 сентября 1919 г. вошли в Минусинск. Прижав находившиеся в Городке 1–1,5 тыс. человек белого воинства к реке, партизаны заставили их сложить оружие, а потом мобилизовали в свои части.

На Минусинский фронт подтягивались части 8-й Сибирской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.Е. Барановского. Но разногласия между штабами различных войск мешали осуществлению боевых операций. Так, организованные в Енисейско-Тубинском районе отряды казаков и дружинников под командованием Чекирова пытались в упорных боях конца сентября – начала октября отбить у партизан с. Шалаболино, но стрелки Барановского их не поддержали. С подходом же к противнику Тальского и Северо-Ачинского полков белые были вынуждены отступить.

Одновременно Манский полк, преодолев длительное сопротивление Минусинской дружины и переправившись у Городка, нанес поражение белым в районе с. Листвягово. Отступая, казаки осуществляли переправу через р. Енисей, используя подручные средства. С боями и потерями они оставили станицы Каратуз и Нижний Суэтук. 3 октября партизаны Щетинкина заняли с. Абаканское, а вслед за ним и все енисейское правобережье [166, с. 53; 138, с. 162–164, 166, 170–171; 150, с. 334–335; 166, с. 53].

Некоторое время наступательные амбиции партизан сдерживались деятельностью катеров и кораблей Енисейской реч-

ной флотилии. Подвергнув обстрелу станицу Бузуново, они помогли переправе отступавших казаков и дружинников. Один из катеров своим огнем уничтожил обозы противника, заставил паромщиков, перевозивших кавалерийские части, выброситься на мель, а также разбил три повстанческие пушки. Но вскоре флотилия, убедившись в невозможности следовать в верховья Енисея, ушла в Красноярск [2, с. 52–53].

При занятии Минусинска внимание партизан сразу же привлекли большие запасы спиртного, хлеба, а также имущество бежавших домовладельцев, торговых фирм и кооперации. Самовольные реквизиции и захваты частного имущества приняли большие масштабы. Непоследовательное отношение командования к пьянству и бесчинствам подчиненных позднее завершилось «Варфоломеевской ночью». Гнев партизанской толпы, взбудораженной слухами о том, что военнопленных выпустят на свободу, вылился в повальные обыски и грабежи обывательских квартир, в самосуды и убийства [98, с. 48–49; 143, л. 24; 151, 5, 18, 21 октября, 30 ноября, 9 декабря; 152, 4, 11 февраля].

На территории, которой овладели повстанцы, также расцвела преступность. Появление их в селениях, как правило, сопровождалось хулиганством, мародерством и самосудами. Командование и сами повстанцы пытались бороться с этими явлениями. Но уголовные дела через некоторое время прекращались.

Сентябрь 1919 г. начался событиями на Западном фронте, которые изменили политическую обстановку в Сибири. Определившись в составе 2-й армии Северной группы войск, Хакасский дивизион находился в Тюменской губернии и действовал на курганском направлении. Однако такие наступательные действия лишь растянули фронт белых, а начавшееся Тобольское сражение явилось прологом надвигавшейся драмы.

Дальнейшая мобилизация инородцев, против которой стала выступать общественность, больше не проводилась. Дивизион подлежал возвращению в Минусинский уезд, где на его базе предполагалось создание дружины. Белые власти опоздали

использовать в своей защите и крестьянство. Оно не было настроено и способно изменить ситуацию. Дружинники бездействовали, разоружались и сдавались партизанам. Численность их на Минусинском фронте сократилась вдвое и составляла только 150–200 человек [95, с. 162, 164–165; 159]. Более того, в местностях, занятых партизанами, стали организовываться поддерживавшие их дружины.

С приходом партизан в Минусинский уезд к ним присоединились отряды местных повстанцев, которые образовали Кизирский полк. Под влиянием большевиков партизаны, состоявшие в основном из крестьян разного имущественного положения, признали советскую власть и переименовали свои части в «рабоче-крестьянскую» армию. Состоявшийся I Чрезвычайный съезд крестьянских, рабочих и солдатских депутатов избрал Объединённый совет. Следом началось создание советов на местах, которые в дальнейшем ввиду военного положения передали власть ревкомам [152, 8 февраля].

Подтянув новые войска, белые, насчитывавшие 18–20 тыс. человек, 22 октября совершили попытку переправиться у с. Подсинего и захватить Минусинск. Но партизаны Канского полка отбили это наступление, а подошедшие из с. Абаканского части заставили противника вернуться на исходные позиции. С целью проникнуть в район Абаканского завода и выйти в тыл Минусинскому фронту, 28 октября на енисейское левобережье был переброшен один из батальонов Тальского полка. Заняв с. Очуры и пополнившись местными повстанцами, партизаны отбили первые атаки белых. Однако вскоре подошедшие войска численностью до тысячи бойцов, среди которых находились и инородческие дружины, прижали их к берегу Енисея. Вынужденные переправляться в ночное время, партизаны понесли большие потери [95, с. 148; 138, с. 171; 139, с. 184, 189].

Преследуемые властями за восстание, минусинские крестьяне не спешили идти в партизаны. Пополнение их полков стало ощутимым, когда в сентябре – начале октября 1919 г. по инициативе Главного штаба была произведена мобилизация бывших

фронтовиков. Партизанами стали 10 тыс. крестьян Минусинского уезда, в частности и инородцы. В результате общая численность их к декабрю 1919 г. выросла, по разным источникам, до 15–22 тыс. человек, имевших на вооружении 5 орудий и 153 пулемета [97, с. 580; 139, с. 199].

Напротив, войска Минусинского фронта, ощущая агонию белого режима, быстро разлагались. В конце октября из с. Подсинего на сторону партизан перешла целая рота солдат. Казаки, собираясь в отступление, разъезжались по станицам. В этой ситуации партизанские части 24 ноября 1919 г. легко прорвали оборону противника и тремя потоками начали развивать наступление на енисейском левобережье. Переправившись без боя через р. Енисей у с. Подсинего, они продвигались в направлении с. Усть-Абаканское – Усть-Ерба и, появившись в районе ст. Шира, где находился штаб противника, пленили до 1,5 тыс. белых. Другая часть партизан, уничтожив наступавший из с. Новоселово на Минусинск отряд капитана Волкова, форсировала севернее водный рубеж. 7 декабря они заняли с. Бородино, затем – с. Сухая Тесь, Большая Ерба, поселки рудников и ст. Сон, а также разбили белых под Батенями и Сарагашем. Находившийся южнее Тальский полк вышел на енисейское левобережье в районе с. Очуры и занял селения Бейской, Иудинской, Усть-Есинской и Аскизской волостей, поселок Абаканского завода и казачьи станицы. В этих местностях его части столкнулись с казаками и инородцами, которые собирались уходить в Урянхай. Навязав беглецам бой, партизаны загнали их в тайгу, но и сами оказались обездвиженными [22, л. 82–83; 136, с. 58; 138, с. 186–189; 139, с. 198, 200; 142, л. 1].

Появление на территории инородческого района партизан, которые своей деятельностью усилили прошлые издержки российской колонизации, инициировало первые признаки повстанчества.

В Красноярске же силы белых таяли. С отводом одного из корпусов Белой армии в губернию вернулись сотни 1-го Енисейского казачьего полка. Но деморализованные развалом фронта, казаки отказались выступать против партизан, а Малый круг 24 де-

кабря 1919 г. признал власть в регионе Комитета общественных организаций, коалиции земцев и эсеров. Несмотря на ходатайства командования Минусинского фронта, Хакасский дивизион в его распоряжение так и не поступил [133, 26 (13) декабря; 149, с. 52].

Ослабленные войска белых не смогли сдержать наступавшего противника. В начавшихся 16 декабря в районе с. Новоселово – Кома – Трифоново боях партизаны разбили и пленили остатки белых частей, погиб и генерал Барановский. Выполняя приказ РВС 5-й армии, они двинулись на Ачинск, Красноярск и в западном направлении. 4 января 1920 г. в с. Медведское Ужурской волости партизаны встретились с представителями 35-й дивизии Красной армии.

Не желая сдаваться, за Красноярск прорвались и вместе с каппелевцами совершили Сибирский Ледяной поход сотни Отдельной Енисейской казачьей бригады, возглавляемые генерал-майором А.И. Феофиловым, общей численностью от 400 до 700 человек. Одна из сотен Енисейского казачьего полка возвратилась в станицы [5, с. 688; 141, л. 39; 165, с. 664].

Партизанские же части были расформированы, их бойцы частично были разоружены и направлены служить в войска внутренней охраны (ВОХР), другие – с оружием в руках разошлись по домам и затем стали членами коммунистических отрядов и милиционерами. Позднее они были мобилизованы и воевали с врангелевцами и поляками.

Партизанское движение, оттянув на себя белые войска, способствовало победе Красной армии. Борьба между красными и белыми нанесла многим местностям имущественный, а главное – человеческий урон. Согласно информации, собранной милицией к маю 1920 г., в Минусинском уезде белыми были убиты 692 человека [113, л. 2]. Вероятно, многочисленными являлись потери и в антибольшевистском лагере.

Воцарившись на юге Енисейской губернии, советская власть сначала имела слабую политическую и военную опору. Бывшие партизаны, численность которых

здесь достигала 6 тыс. человек, в силу своей сплоченности и боевого опыта представляли серьезную силу. Однако они были заражены настроениями сепаратизма, красного бандитизма и оказались способны дезорганизовать работу учреждений и нарушить спокойную жизнь обывателей. Местная чека и милиция находились еще в стадии организации, а войска ВОХР были незначительны и ненадежны. В марте 1920 г. для перекрытия путей отхода белым в Урянхай и Монголию в Минусинский уезд была переброшена 27-я стрелковая дивизия. Ее присутствие в какой-то степени гарантировало сохранение советской власти, но в июне того же года части дивизии покинули территорию уезда и были отправлены на Западный фронт.

Созданные стихийно, ячейки состояли из 880 коммунистов и сочувствующих, в большинстве все тех же, слабо дисциплинированных, партизан. Отсутствие надежных работников из числа коренного населения сдерживало распространение советской власти в инородческом районе. Не только население, но и местное руководство, назначенное из лиц, знающих русский язык, не хотело выполнять распоряжения властей.

Совершенные весной 1920 г. арест активных повстанцев и расстрел С.Д. и В.Д. Майнагашевых только подтолкнули инородцев к неприятию советской власти, которое выразилось в так называемом «бандитизме» и проявлениях сепаратизма. Уже 1 июня 1920 г. созданный в с. Чебаки сход населения ходатайствовал перед властью о создании здесь самостоятельной «Чебаковской горной волости» [23, л. 76, 96]. Власть в лице своих эмиссаров, осуществлявших продовольственные заготовки насильственным путем, сама провоцировала деревню к сопротивлению. Протестуя против насилия, инородцы Кызыльской волости стали уходить в тайгу и группироваться вокруг «шайки», только что расправившейся с местными милиционерами. Местом постоянных засад для них стали и окрестности аала Ирсов – родового селения Майнагашевых.

Советская власть не пользовалась авторитетом у основной массы населения Ми-

нусинского уезда. В мае 1920 г. крестьяне, отказываясь повиноваться ее распоряжениям, заявляли, что «эта власть хуже, чем была раньше, на самых высоких должностях сидят евреи, немцы и опять приказы и опять мучат нас». В некоторых волостях уже были слышны призывы не подчиняться власти, «как не отражающей волю крестьян» [81, л. 85, 88].

Ситуация стала еще более обостряться с лета 1920 г., когда, несмотря на поступившую из Красноярска информацию о постигшем Енисейскую губернию неурожае, Сибирский революционный комитет возложил на нее задание собрать разверстку в объеме 7,2 млн пудов хлеба. Изъятие продовольствия и одновременная мобилизация лиц призывного возраста и бывших унтер-офицеров вызвали крестьянские восстания, а дискриминационные меры победивших коммунистов – появление «белых банд». Они образовывались из возвратившихся домой военнослужащих Белой армии или лиц, пробывавшихся за границу. Такими, например, являлись «банды» полковников Апасева и Михайлова, подполковника Шамадина, подьесаула Фролова, хорунжего Занина, поручика Зуйко и казака Медведева.

Занимаясь зачисткой территории от остатков белых, красноармейцы, коммунисты и милиционеры не только мародерствовали в инородческих волостях, а, случалось, уничтожали их жителей. Так, в октябре 1920 г. отряд П.Л. Лыткина ликвидировал 34 хакасов одного из селений, заподозренных в «казачьем бандитизме».

Возникшее по инициативе влиятельных и более культурных хакасов, ограбленных и отодвинутых партизанами от власти, инородческое повстанчество пополнялось лицами, которые, спасаясь от такого произвола, искали убежища в тайге и создавали там «бандитские» сообщества, почти лишенные политического облика, но с прежним укладом жизни. Местное население видело в них лиц, вынужденных бежать от преследования властей, народных защитников и называло их понятием «хасхылар», т. е. беглецы. Они создали множество мелких групп, грабивших население, кооперативные и советские учреждения и исчезавших

при появлении милиционеров или красноармейцев. «Банды» состояли в основном из подтаежной кызыльской и сагайской бедноты и немногих русских, легко объединявшихся для выполнения определенных заданий и быстро менявших район дислокации, а затем проживавших в селениях или группами в таежных землянках.

Наряду с повстанчеством, политическая обстановка в Минусинском уезде «подогревалась» и слухами о наступлении белых, и замыслами врагов советской власти. Поэтому вместе с мерами по укреплению и централизации руководства регионом, она усиливала свое военное присутствие. В уезд были стянуты воинские силы, состоявшие из Енисейского пограничного полка и частей 109-й бригады ВОХР. Гарнизон Минусинска пополнился ротой численностью в 350 штыков и караульным батальоном из 200 бойцов с пулеметной командой. Здесь в срочном порядке начала укрепляться милиция: численность ее увеличилась до 130 человек, сформирован был и конный отряд, состоявший из 60 милиционеров. Местное руководство, не дожидаясь разрешения губернских властей, объявило 11 волостей уезда на военном положении.

Раскрывая действительные или мнимые «заговоры», политбюро и милиция ликвидировали политическую оппозицию и некоторые «банды». При арестах, произведенных в ночь на 13 сентября 1920 г., были задержаны от 50 до 80 «заговорщиков», служивших в отделах уездного исполкома, районном продовольственном комитете, военкомате и в воинских частях. Отряд красноармейцев во главе с командиром одного из полков ВОХР С.А. Кочуровым и комбатом А.С. Бойцовым захватил вблизи с. Шалаболино «белого короля» И.И. Занина и его сообщников. Были раскрыты «контрреволюционные организации» в станциях Монок и Арбаты, в с. Бея и Абакано-Заводском посёлке [6, с. 45–46; 29, л. 23; 30, л. 6; 40, л. 66; 39, л. 55; 65, л. 37; 67, л. 8–9; 68, л. 1; 69, л. 52; 78, л. 2; 82, л. 28; 83, л. 22].

Вскоре возникшие в Ачинском, Канском и Красноярском уездах губернии отряды крестьянских повстанцев под давлением правительственных войск были вы-

нуждены отойти на территорию инородческого района, чтобы затем прорываться в Монголию. Один из них, состоявший из 200–300 повстанцев во главе с офицерами Базаркиным, Королевым и Коробейниковым, 24 ноября 1920 г. занял рудник «Юлия». Здесь к нему присоединились до 50 военнопленных офицеров и 15 красноармейцев охраны. В начале декабря «банда» появилась в районе озера Шира и отсюда, потеряв в бою 50 человек убитыми, ушла на Мальцевские рудники, превратив их в опорную базу [9, л. 9; 82, л. 61, 63–64; 84, л. 426–427].

Находясь в труднодоступном приисковом районе, повстанцы накапливали силы для нового похода. С этой целью они забирали продукты, собранные жителями соседних селений согласно продразверстке. Попутно повстанцы обстреляли отряд Енисейского пограничного полка, нанеся ему потери в личном составе.

1. К этому времени стал очевидным провал советской хлебозаготовительной политики. На 30 ноября в уезде было собрано только 33% объема продовольственного задания. С целью выполнения заготовок уполномоченные и агенты перешли к изъятию у крестьян семенного зерна, что вызвало крайнее недовольство у населения. Состоявшееся 23 декабря в Минусинске продовольственное совещание констатировало, что даже деревенские коммунисты готовы перейти в оппозицию к советской власти [65, л. 96; 68, л. 9].

Отрицательно влияла на выполнение продразверстки и противоречивость директив, исходивших от губернских, уездных органов и дезориентировавших низовые аппараты и крестьян. Зная, к чему ведет такая продовольственная политика, местные руководители пытались предупредить губернское руководство об опасности возникновения новых крестьянских восстаний. Но секретарь губернского комитета РКП(б) изложил свое понимание угрозы повстанчества так: «Восстания вероятны..., – писал он членам уездного партийного комитета. – Необходимо признать, что шаткое положение наше, в частности в Минусинском уезде, представляет собой фазу организованной ... борьбы с мелкобуржуазным крестья-

яньством, причем, не без длительных усилий...» [19, л. 10, 65, л. 96].

Вслед за «бандой», укрепившейся на Мальцевских приисках, на территорию Минусинского уезда вступили и другие, доведя численность повстанцев до 500 человек, в т.ч. 100 офицеров, казаков и сотни инородцев. Состоявшееся 8 января 1921 г. экстренное заседание президиума Енисейского губернского комитета РКП(б) закончилось выводом: «Левобережная часть уезда – арена постоянных вспышек восстаний – там еще предстоит вести открытую борьбу» [65, л. 96]. В конце января пробившиеся к Мальцевским приискам минусинский и кузнецкий отряды войск внутренней службы (ВНУС) заставили повстанцев оставить некоторые прииски и сосредоточиться в окопах и на колокольне рудника «Неожиданный». После обстрела из восьми пулеметов и 15-часового боя правительственные войска, потеряв 9 человек убитыми и 16 – ранеными, уничтожили 60 «бандитов» и выбили их с прииска [34, л. 45, 56; 82, л. 97].

Объемы же хлебозаготовок в Минусинском уезде продолжали угрожающе сокращаться. Для следствия по делу о провале выполнения разверстки и сепаратистских действиях местного руководства в Минусинск были направлены чекисты и сессия ревтрибунала. Но решение губернского исполкома о ссыпке семян в общественные амбары, объявленное крестьянам, спровоцировало их волнения в четырех волостях. Милиция было арестовала саботажников и лиц, открыто высказывавшихся против советской власти. Собравшиеся по этому поводу толпы крестьян освободили их и принялись избивать её представителей.

Узнав о начавшихся волнениях, президиум Минусинского уездного комитета РКП(б) 9 февраля послал в мятежные волости несколько красноармейских отрядов. Они разгоняли крестьян залпами в воздух.

Продовольственными заготовками занимались не только советские официальные лица, но и таштыпские казаки, решившие покинуть свою станицу. Но загнанные в тайгу "банды" Фролова и Зырянова были вынуждены 19 февраля сложить оружие.

В это время Минусинский уезд захлестнула еще одна волна повстанчества, пришедшая с севера и связанная с именем подполковника или полковника (вероятно, А. Д.) Олиферова. Его отряд, состоявший из находившихся под командованием десятков офицеров крестьянских повстанцев, совершив с боями рейд, вновь прорвался на территорию Енисейской губернии. Вырвавшись из окружения, 250 повстанцев "Первого отряда им. Великого князя Михаила Александровича" 19 февраля заняли аал Янгулов и курорт "Озеро Шира".

Приказом по 22-й стрелковой дивизии ВНУС от 18 февраля 1921 г. руководить ликвидацией "банд" в Енисейской губернии был назначен комбриг-65 Я. А. Грицман. На борьбу с повстанчеством власти отправили части базировавшейся в Минусинске 64-й бригады ВНУС, коммунистические, милицейские и особого назначения отряды [13, л. 9; 28, л. 39; 34, л. 40; 82, л. 94, 100; 84, л. 123].

21 февраля повстанцы у д. Сон встретились с посланными против них отрядами. Сразу же в перестрелке был убит Олиферов. Преследуемая бойцами 191-го полка, "банда" под командованием поручика Ерофеева 22 февраля была в Сайгачах, 23-го - в Чаркове, а 26-го - появилась в селениях Аскизского общества. Пополнившись инородцами, она двинулась на д. Уты. Здесь 28 февраля повстанцы натолкнулись на красноармейцев под командованием Лыткина, открывших по ним пулеметный огонь. Фланговые атаки "банды" оказались неудачными, а подошедший отряд Гусева ударил её с тыла. Не выдержав общей атаки противника, повстанцы отступили. При этом красноармейцы потеряли, по разным данным, 3-5 человек убитыми, 12-15 - ранеными, а "банда" - 15 или 30 человек убитыми и 50 - ранеными [13, л. 9; 34, л. 40, 42, 44; 82, л. 102; 121, л. 53; 126, л. 16].

В начале марта остатки олиферовского отряда оказались в Усть-Есинской и Аскизской волостях и вновь пополнились инородцами. Бои с преследователями, состоявшиеся вблизи Усть-Чуля и Таштыпа, заставили повстанцев скрыться в верховьях р. Малая Сея. Другая же группа вернулась под Красноярск, где и прекратила свое су-

ществование [13, л. 13; 82, л. 101, 107; 84, л. 419].

Но, уничтожив крупные силы повстанцев, советская власть ликвидировать инородческие "банды", которые поддерживались обществом, оказалась не в силах. С конца 1920 г. активность стали проявлять Майнагашевы, отряд которых одно время доходил до 80–100 человек. Видную роль в распространении "бандитизма" играл кызыльский инородец Ф. Карачаков. Его считали способным мобилизовать в "банду" до 200 саралинских хакасов. Созданная еще осенью 1920 г. и пополнявшаяся остатками др. групп, с переменным успехом действовала "банда" бывшего казачьего урядника И. Н. Соловьева.

В данной ситуации местные власти, обвиняя в своих неудачах мирное население, перешли к карательным мерам. Так, в ночь на 15 февраля в с. Шарыпово по инициативе и под руководством начальника Ачинской уездной милиции П. Е. Пруцкого и бывшего партизанского вожака и командира одного из отрядов М. Х. Перевалова были удушены, по разным данным, от 34 до 43 жителей. По приказу руководства Кызыльского воллисполкома в с. Малое и Чёрное Озеро расстрелу и давлению подверглись до 30 хакасов, заподозренных в снабжении повстанцев оружием и продуктами. Волостной комиссар Тартачаков душил людей или, угрожая оружием, заставлял коммунистов топить их в озере [13, л. 88; 25, л. 14; 26, л. 16; 42, л. 53; 80, л. 101; 123, л. 8].

Находившиеся в Кызыльской волости коммунистические и милицейские отряды во главе с Переваловым, Ковригиным, Дзерво, Монаховым, Сервиным, Будисом, Черепановым и Чуприным требовали от населения в кратчайшие сроки выдать "бандитов". Распространяя слухи о нахождении в каком-либо селении "банды", они врвались в него, подвергая жителей арестам и расстрелам, а затем разграбляли их имущество.

В мае 1921 г. состоялись общественные сходы, высказавшие свои претензии к бесчинствующим милиционерам и коммунистам. Действия отрядов обострили отношения между аборигенами и русскими

настолько, что их обсуждению был посвящен съезд ачинских и минусинских инородцев. Состоявшийся 5 июня 1921 г. в улусе Тартачинском, он постановил создать с целью обособления от русского населения и проживания инородцев новую Чёрно-Подкаменскую волость. До сведения соловьевцев было доведено воззвание, гарантировавшее сдавшимся не только жизнь, но и службу в милиции. Однако, несмотря на то, что оно с удовлетворением было воспринято населением и повстанцами, а отряды частично оказались распущенными [25, л. 16, 25, 27, 42, 53; 35, л. 14], красный бандитизм здесь так и не был изжит.

2. Соответственно с планами губернского руководства минусинская деревня вновь должна была стать главным поставщиком продовольствия в регионе. Обманув её обещанием вернуть семена к севу и введя войска, открывшие, например, в Шалаболинской волости стрельбу в воздух, власти изъяли его у крестьян. Продразверстка заставила крестьян вселяться в инородческие общества или использовать их земли в своих целях. Взимание её, а затем и продналога привело к тому, что из-за постоянного недоедания среди хакасов стали распространяться заболевания. Заготовки скота сопровождались его гибелью и резким ухудшением отношения населения к советской власти [114, л. 31; 118, л. 270-271, 299, 305-306; 126, л. 76]. К тому же, местные управленцы потребовали сдачи хакасами охотничьего оружия, что лишило таёжников основного промысла, и использовали молодёжь на лесоповале.

Такая политика и действия властей способствовали распространению протестного поведения среди хакасов. Население поддерживало повстанцев, снабжая их необходимыми продуктами и сведениями, а случалось и мстило за гибель "бандитов" нападением на переселенческие деревни. Повстанчество уже выливалось в захваты поселков прииска Узунжуль, рудника "Юлия", волостного села Синявино и сопровождалось погромами советских учреждений, расстрелами и убийствами их служащих и коммунистов.

Выдвинутые в инородческий район пограничные и внутренней службы войска

вскоре стали одерживать победы над повстанцами. В июне 1921 г. отряд Гусева в районе Сартачуля наступил и изрубил до 20 "бандитов". В Усть-Есинской волости пограничники при столкновении с другой повстанческой группой убили пятерых её членов, а 15 - захватили в плен. В начале июля вблизи с. Костино состоялся бой 112 повстанцев Соловьева с отрядом Виноградова, длившийся 11 часов. "Банда" потеряла убитыми 4, ранеными 8 человек, но при этом погибли четверо милиционеров. На следующий день уже 150 соловьевцев на границе Новоселовской волости повели наступление, но затем бежали в Ужурскую волость, оставив шесть человек убитыми. На пятый день погони, выйдя на след "банды", красноармейцы пленили 25 повстанцев [13, л. 22, 29, 32; 83, л. 57; 121, л. 172, 255; 114, л. 23, 167; 125, л. 16, 18-20; 115, л. 104].

В то же время в инородческих волостях появились новые "банды", насчитывавшие от 5 до 25 членов. С их образованием целый ряд коммунистических ячеек в Кызыльской волости распался. Недовольные советской властью хакасы уходили в горы или тайгу в массовом порядке. К примеру, за июньскую ночь селения Сейской волости покидали по 3-7 человек. Вместе с мужчинами в труднодоступные места уходили женщины, которые являлись не только участниками вооруженной борьбы и ограблений, но и организаторами и хранителями семейного очага. В "банду" Соловьева бежали даже коммунисты, красноармейцы, а один из них был с пулеметом [13, л. 28, 79, 78; 121, л. 170].

Трезво оценивая ситуацию, секретарь Енисейского губкома РКП(б) К. А. Машкин телеграммой в Сиббюро ЦК сообщал, что "бандитизм" принимает значительные размеры и ликвидировать его быстро не удастся [73, л. 12]. Обеспокоенные власти для выяснения причин живучести этого явления в инородческом районе и ознакомления с нуждами хакасов 4 июля 1921 г. создали чрезвычайную полномочную комиссию с председателем Г. И. Итыгиным и в составе представителей от советского, партийного руководства губернии и военного командования.

К приезду комиссии на территории Усть-Есинской волости насчитывалось 200 инородцев, которых население и власти считали "бандитами". С появлением созданного минусинскими властями ревкома и кавалерийского эскадрона эти лица были рассеяны. Распространение воззвания, призывавшего сдаваться, способствовало выходу некоторых "бандитов". Они и указали местонахождение "банды" поручика Ерофеева. Потеряв в бою 15 бойцов и самого вожака, остатки её перешли в отряд Соловьева. Когда же 10 июля в с. Усть-Есь состоялся инородческий съезд, то его участники приняли сторону коммунистов [12, л. 11; 31, л. 191, 207, 312, 315; 66, л. 49].

Ко второй декаде июля комиссия прибыла в инородческий район, где выявила массу жалоб населения на деятельность отрядов. 18 июля Итыгин, выступая на Аскизской волостной конференции, призвал инородческое население "жить дружно, оставить вражду с русскими". С целью ликвидации проявлений красного бандитизма начала действовать выездная сессия ревтрибунала, приговорившая к расстрелу, впоследствии замененному 10 годами лишения свободы, двоих милиционеров-насильников. Затем комиссия приступила к организации переговорного процесса с повстанцами. Но Подкаменский съезд, обговоривший бы условия сдачи повстанцев и намеченный членами комиссии на 9 августа, вызвал подозрения у Соловьева и не состоялся. Несмотря на то, что вслед за Майнагашевыми сдались 150 повстанцев, а соловьевскую "банду" стали покидать бывшие офицеры, деятельность комиссии из-за недоверчивого отношения к ней со стороны коренного населения так и не привела к его полному замирению [14, л. 24; 32, л. 14; 37, л. 25; 66, л. 52; 121, л. 170; 123, л. 7-8].

В то же время она показала, что мирное сосуществование инородцев с советской властью являлось возможным при удовлетворении их национальных интересов. 9 августа 1921 г. президиум Енисейского губернского исполкома счёл необходимым в силу бытовых особенностей жизни населения, его культурного развития, усиления советского строительства и ликвидации

"бандитизма" образовать из семи инородческих волостей Минусинского и Ачинского уездов особый административный район. Он же 18 августа постановил до избрания инородцами управленческих учреждений создать исполнительный орган с подчинением его губернским властям. Наконец, президиум Енисейского губкома РКП(б) 23 сентября констатировал, что Сиббюро ЦК положительно решило вопрос о создании партийного комитета в инородческом районе [33, л. 196; 37, л. 3; 75, л. 87, 91; 77, л. 265].

Однако некоторые коммунисты полагали, что работа комиссии позволила повстанчеству укрепиться. Борьба принимала ожесточенный характер: соловьевцы стали приходить в деревни специально, чтобы вырезать коммунистов. Очевидец сообщал, что "банда" за время переговоров "выбила" до 100 коммунистов и 10 милиционеров, увезла 3 тыс. пудов хлеба, предназначенного для рудничных рабочих, разграбила ряд кооперативных лавок и Учумскую экономию. Посетив Ивановский рудник, с. Божье Озеро и д. Парную, "бандиты" зарубили восемь коммунистов [38, л. 53, 261].

К осени 1921 г. население южных местностей Ачинского уезда было буквально терроризировано "бандами". Рабочие разбегались, крестьяне, спасая свою жизнь, уходили в более крупные села. Коммунистические ячейки в деревнях слабо отвечали на призывы о мобилизации. Крестьянство, пережившее полное изъятие продуктов, едва услышав о подготовке к сбору продналога, встретило его саботажем. Распространённой формой сопротивления стало сокрытие объектов налогового обложения.

Инициированный комиссией Итыгина и одобренный Сибревкомом процесс создания новой административно-территориальной "единицы", вследствие начавшегося взимания продовольственного налога, отнимавшего все силы партийной организации и советов, был временно прерван.

Но находились крестьяне, которые, бежав от самоуправления коммунистов и милиционеров, создавали новые "банды" во главе, например, с капитаном Бастрыкиным и Скрипачёвым. С ослаблением правитель-

ственных сил повстанчество активно готовилось к зимовке, забирая у населения и совхозов скот, лошадей и продовольствие.

Тогда мирные инициативы советской власти, оказавшиеся недостаточно эффективными в ликвидации повстанчества, сменила военная доктрина. Приказом командующего 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа И. П. Уборевича от 22 сентября 1921 г. было указано воинским силам, милиции и чека до 15 октября того же года уничтожить "бандитов". В его дополнение для военного, советского и чекистского руководства Иркутской, Енисейской и Якутской губерний была разработана специальная инструкция, которая гласила о том, что искоренение "бандитизма" должно заканчиваться обязательным уничтожением его участников. С этой целью в районах, зараженных этим явлением, приказывалось ставить гарнизоны, для руководства операциями создавать Военно-политические совещания, усилить чекистскую работу, а перед населением ставить ультиматум, согласно которому оно под угрозой смертной казни и конфискации имущества обязывалось выдавать "бандитов" [118, л. 491; 119, л. 190; 120, л. 2-4].

Однако выполнение данного приказа и инструкции не было реальным. Лишь с приездом представителей губернского комитета РКП(б) были созданы оперативная и новая административная тройки, налажена их связь с местными и губернскими властями, стали арестовываться и осуждаться лица, связанные с "бандами". Коммунистические, милицейские отряды и войска внутренней службы подверглись замене частями 26-й Златоустовской стрелковой дивизии.

Усиление советского военного присутствия в регионе способствовало тому, что масштабы повстанчества несколько уменьшились, а некоторые "банды", например, Н. В. Кулакова, были рассеяны. Убитым оказался и такой вожак, как Бастрыкин. Представители советской власти склоняли к сложению оружия повстанцев во главе с А. Аргудаевым. Когда же это не удалось, то в район их нахождения был послан отряд Гусева. Накануне перехода на зимовье 200 соловьевцев разделились: вре-

менно самостоятельными стали "банды" братьев И. И. и Е. И. Родионовых, Кулакова, Аргудаева, Пимщикова и Иванова [31, л. 151; 63, л. 54; 122, л. 67; 126, л. 312, 315].

Некоторые мелкие группы, напротив, перешли из Кызыльской в Аскизскую и Усть-Есинскую волости, произведя здесь небольшой всплеск насилий, грабежей и убийств милиционеров и продовольственных агентов. Между тем еще ранее обещанная военным командованием амнистия и тяготы таежной жизни порождали среди повстанцев "неустойчивые" настроения. Они способствовали тому, что 2 января 1921 г. сложили оружие шестеро членов "банды" Соловьева и даже её вожаки, обещавшие вывести еще 200 повстанцев, а затем - 47 "бандитов" во главе с Аргудаевым. Сдались А. П. Чудогашев и 11 членов его группы. Начались были переговоры о сдаче "банды" между властями и Карачаковым.

Однако отношение к этому вопросу у губернского руководства не было единым: исполком запрещал вести переговоры с "бандитами", а партийный орган, напротив, постановил добровольно сдавшихся повстанцев после регистрации и опроса не арестовывать. Опасность, исходившая от этой непредсказуемости поведения властей, заставила повстанческих вожаков увести своих людей в безопасное место [10, л. 13; 11, л. 57; 13, л. 57; 15, л. 22; 70, л. 33; 50, л. 10, 35-36; 51, л. 18, 23; 72, л. 102].

Одновременно, осуществляя силовой вариант ликвидации повстанчества, советская власть передала борьбу с ним от сравнительно крупных и слабо маневренных боевых единиц дивизии к частям особого назначения (ЧОН), которыми в губернии командовал Э. И. Кусин. Однако обучение сельских коммунистов военному делу и создание на их базе коммунистических полков требовало много времени. К февралю 1922 г. были выявлены чуть более двух тысяч коммунаров, а из них призыву подлежали 1073 человека [11, л. 52]. Поэтому борьба с повстанчеством была возложена на 6-й сводный отряд ЧОН, состоявший из кадровых военных.

Появление его частей в хакасских селениях сопровождалось мародерством, избиениями и даже расстрелом одного из жи-

телей. Боевые же действия чоновцев не всегда были успешными. Так, после состоявшейся 31 января 1922 г. в Сайгачах перестрелки с "бандой" Мотыги (И. М. Шадрин) отряд из 3-го ОН Ачинского полка, потеряв тяжело раненым комбата А. И. Киреева, был вынужден отступить [54, л. 70; 57, л. 3; 63, л. 54]. Неудачными были поиски чоновцами "банд" Кулакова и Карачакова, которые в это время объединились.

Проявляемая повстанцами активность свидетельствовала о том, что ограниченный контингент войск не смог вести эффективную борьбу с ними. Его подразделения были разбросаны и использовались даже на продовольственной работе и охране сыпных пунктов. В результате выделения свежих сил численность чоновцев в Ачинско-Минусинском боевом районе увеличилась с 390 до 650 бойцов, вооружённых 15 пулемётами. Для их рационального использования были созданы три боевых участка, командовать которыми были назначены В.Ф. Поченко, В.А. Кудрявцев и А.П. Голиков (Гайдар) [41, л. 9, 147, 177; 58, л. 4; 62, л. 2, 4].

Начиная с апреля 1922 г., отряд комбата Голикова в основном занимался разведкой, поисками и преследованием повстанцев. В то же время по его приказу были расстреляны пятеро лиц - лазутчиков Соловьева или же представителей населения. Обвиняемый в злоупотреблении служебным положением, Голиков в июне того же года был снят с должности, а затем наказан по партийной линии [163, с. 210-213].

Более активные боевые действия осуществляли отряды Виттенберга и Шмаргина. Ими была разбита "банда" Карачакова, а сам он погиб. Повстанцев отбили и при нападении на один из поселков Мариинского уезда. Раненый при этом Аргудаев вскоре скончался. В то же время "банда" Кулакова захватила обоз, шедший из Черногорских копей, а отряд Родионовых, выступавший под монархическим флагом, угонял из деревень лошадей и митинговал, приглашая крестьян в свои ряды.

Отрицательное отношение крестьянства к власти вновь стало усиливаться под воздействием экономического фактора. Заготовители, используя вооружённую силу и

сессии трибунала, почти выполнили налоговое задание. Но, выявив сокрытые крестьянами распаханые земли, они тут же обложили их дополнительным налогом. Его взимание обрекло жителей целых волостей на голодное существование и едва не толкнуло их к бунту. Командированный в волости член Минусинского городского совета свидетельствовал, что ему ни разу не приходилось наблюдать такого отрицательного отношения крестьян к советской власти. По деревням распространялись слухи, что международная конференция в Генуе якобы признала руководителем советской республики Великого князя Николая Николаевича Романова. Полагая, что их власть доживает последние дни, уездные советские служащие требовали перевода своих учреждений в Красноярск [70, л. 38, 61; 86, л. 47; 11, л. 26; 15, л. 43; 129, л. 6; 135, с. 151].

Преследуя "банды", красноармейцы конфисковали у населения и загнали 80 лошадей, необходимых для полевых работ. По этой причине инородцы Усть-Фыркальской волости, закупив хлеб в русских местностях, не могли доставить его домой. В совокупности с наводнением, состоявшимся из-за разлива р. Абакан и утопившим массу скота и овец, отсутствие хлеба привело коренных жителей к полуголодному состоянию.

Недовольные своим положением, инородцы вновь уходили в тайгу. К середине мая 1922 г. повстанчество состояло из "банд" Соловьева (40 человек), Родионова (30), Кулакова (11) и 15 лиц, прибывших из Кузнецкого уезда, а в целом - из более 100 "бандитов" [11, л. 227]. Кроме того, в Ачинском уезде действовали группы Друголя, Самкова, Юркова, Карелина и Марьясова.

Повстанцы зачастую не выдерживали столкновения с чоновскими отрядами и несли потери. 10 мая была рассеяна группа Кулакова. Настигнутая после ограбления у д. Малое Озеро отрядом Сергеева, "банда" Родионовых 13 мая объединилась с отрядами Соловьева, Кулакова и приняла бой, закончившийся для повстанцев большими потерями. 16 мая в том же районе состоялась еще одна схватка, после которой соловьевцы, оторвавшись от противника, раз-

грабили Балахтинский сыпной пункт, обоз Абаканского завода и совершили нападение на волисполком. 27 мая 100-150 повстанцев объединенного отряда Соловьева и Родионовых, будучи под красными знаменами, захватили д. Ивановку, где расстреляли коммунистов, взяли хлеб и лошадей [11, л. 227; 71, л. 308, 376, 381, 399; 74, л. 170, 196; 79, л. 78; 85, л. 65].

К лету 1922 г., которое стало, по мнению властей, временем возрождения здесь "белого бандитизма", повстанческий отряд Соловьева насчитывал 130 человек и действовал группами во главе с его помощниками Родионовым, Марьясовым и Кулаковым. В июне к Соловьеву перешли инородцы из разбитой "банды" Аргудаева и остатки кузнецкого отряда, а затем присоединились группы Н. В. Кулакова, С. З. Астанаева и А. И. Кийкова. Вскоре, благодаря деятельности в прошлом агронома А.К. Зиновьева, который в качестве "полковника Зака" или "полковника Макарова" выполнял функции начальника штаба, и в прошлом служащего В. И. Королёва, бывшего у Соловьёва адъютантом, оформился Горноконный отряд им. Великого князя Михаила Александровича. В нем находились лица, бежавшие от произвола представителей советской власти, подростки, дезертировавшие с лесозаготовок, охотники, лишённые оружия, удалыцы, конокрады и уголовники, а также бывшие офицеры и казаки. Большинство же отряда составляла неграмотная и беспартийная хакасская беднота.

В смутное время крестьяне воспринимали дискредитировавшую себя монархию как власть, при которой в их жизни сохранялись относительные порядок и стабильность. Приверженность повстанцев идее самодержавия повышала их авторитет среди населения и была рассчитана на привлечение сторонников и повышение собственной боеспособности. Их среда выдвигала лозунги "За Учредительное собрание", "Беспощадная борьба с продовольственными органами", "Бей жидов и коммунистов", "За самостоятельность инородцев" и "За беспартийные советы и против коммунистов". Но политические взгляды повстанцев не были устойчивыми, а идеологические

основы их поведения чаще всего отсутствовали.

Обеспокоенное расширением масштабов повстанчества, сибирское партийное руководство обязало Реввоенсовет 5-й армии покончить с "бандитизмом" в Енисейской губернии к октябрю 1922 г. На состоявшемся 6 мая 1922 г. губернском Военно-политическом совещании прозвучала серьезная озабоченность не только по поводу активности повстанцев и, напротив, распыленности правительственных сил. Констатировалось, что повстанчество поддерживается не только населением, но и даже сельсоветами и некоторыми воинскими частями. Совещание приняло постановление об усилении ЧОНа, а также о вводе ответственности за "бандитизм" населения [14, л. 25; 36, л. 55-56].

18 мая с целью налаживания более эффективной деятельности чоновцев и с одобрения губернского партийного руководства командующим ЧОН Енисейской губернии был назначен В. Н. Какоулин, а 28-29-го - состоялся съезд их командного состава. Его участники, понимая, что "бандитизм" здесь является "не кучкой людей, а известным настроением в сёлах", одобрили намерения нового командующего разместить в населенных пунктах гарнизоны, создать высокоманевренные кавалерийские истребительные отряды, а также усилить контакты с местными партийно-советскими органами и уполномоченными ГПУ [43, л. 23, 26, 32, 34]. Действовавшие с середины июня в Ачинско-Минусинском районе представители командования перегруппировали силы боевых участков и выставили дополнительные гарнизоны в ряде селений. 29 июня президиум Енисейского губкома РКП(б) одобрил работу по реорганизации ЧОН и выработке единого плана борьбы с "бандитизмом" [45, л. 17; 47, л. 83].

На основании приказа его командующего от 7 июля путём нового набора коммунаров и привлечения командирских кадров сводных отрядов имевшиеся войска были переформированы и снабжены необходимым вооружением, обмундированием и питанием. В этих частях, при наличии недокомплекта, насчитывались 81 командир и 313 красноармейцев. Необходимость

борьбы с повстанчеством заставила командование отложить военное обучение коммунаров на зимнее время [47, л. 10, 51, 58, 92, 95].

В дополнение к мерам военного характера губернское руководство решило применить систему заложничества и создало Чрезвычайную тройку из представителей губернского ревтрибунала, политотдела 26-й дивизии и ГПУ с председателем А. Червяковым. 10 июля командование губернского ЧОНа приказало начальникам гарнизонов в контакте с местными коммунистами, советскими работниками и агентами ГПУ провести аресты членов семей и родственников "бандитов" [46, л. 14; 47, л. 81-83; 76, л. 23].

Летом 1922 г. действия повстанцев представляли в основном участвовавшие и более массовые налеты на селения, обозы с грабежами и убийствами коммунистов, советских служащих, а также перестрелки с отрядами чоновцев. Так, 8 июня 29 повстанцев напали в районе аала Ефремкино на обоз с мукой, следовавший на рудник "Богомдарованный". После шестичасового боя к противникам подошли подкрепления и "банда", не выдержав и оставив двоих человек убитыми, отступила. 17 июня объединенные силы Соловьева и Кулакова имели пятичасовой бой, но вновь отошли. На следующий день Соловьев, Мотыга и Кулаков, командуя 65 повстанцами, устроили засаду на обоз с хлебом. В перестрелке убитыми оказались двое красноармейцев, подводчик и двое нападавших.

Пользуясь временным снятием гарнизона, отряды повстанцев 19 июня совершили налёт на прииск "Богомдарованный", где изрубили троих коммунистов, взяли 14 фунтов золота и продукты. 3 июля "банда" Мотыги подступала к руднику "Юлия", где тогда располагался штаб ЧОНа, и обстреляла поселок, но была отбита. 9 июля повстанцы напали на рудник "Улень". Ограбив контору и жителей, они увезли с собой пятерых заложников, из которых четверо потом оказались убитыми. Потрясенные этими событиями, рабочие начали покидать рудничный поселок. 15 июля 50 повстанцев окружили аал Тазмин, где разместились на отдых 16 красноармейцев. Однако после

того, как к осажденным подошло подкрепление с рудника "Юлия", нападавшие были вынуждены отступить. 18 июля состоялось нападение 45-50 повстанцев на с. Аскиз. Местные милиционеры были разоружены, а один из них и уполномоченный уездной продовольственной тройки убиты. Ограбив кооперативную лавку, "банда" покинула село, увозя имущество на 15-19 подводах, и при преследовании расстреляла четверых коммунистов.

Несмотря на грабежи, осуществляемые соловьевцами, население настолько боялось репрессий со стороны чоновцев, что после того, как повстанцы покинули с. Аскиз, перебралось на др. сторону реки. Случалось, что командный состав отрядов ЧО-На от такой активности повстанцев впадал в легкую панику. К августу они, вооруженные даже гранатами и действовавшие под российским трехцветным флагом, распространили свое влияние на Синявинскую, Аскизскую волости и захватили Кыштымский ссыпной пункт. Поощряемые присутствием повстанцев, инородцы, как общала местная милиция, грабили русское население "до невозможности" [48, л. 50; 49, л. 19, 28; 50, л. 206, 226; 53, л. 11, 32; 59, л. 5; 116, л. 172, 285, 310-312, 349, 361; 130, л. 1, 12; 140, л. 74].

Начиная готовиться к очередной зимовке, соловьевцы 28 августа посетили склад правления Ачинско-Минусинской железной дороги, где, после того как служащие и рабочие разбежались, расстреляли четверых коммунистов и конфисковали муку и мануфактуру. Кроме партийцев, уничтожались порой и беспартийные, но ревностно служившие режиму лица. На руднике «Улень» убитыми оказались фельдшер и его жена, заподозренные соловьевцами в шпионской деятельности, на ст. Ши́ра – трое служащих и захвачен телеграфный аппарат. В с. Коксино Кийков расстрелял шестерых мирных жителей. "Бандой" Кулакова на рудниках и в Усть-Бири были убиты 15 человек. Отряд, возглавляемый им и состоявший из 80-100 человек, захватил Абаканский солеваренный завод и вывез награбленное на 30 подводах. 15 сентября 17 "бандитов" Астанаева совершили налет на с. Синявино, где забрали не только муку,

шубы и валенки, но и для создания зимовья железные печи и оконные рамы.

Между тем в начале октября отряд Решетникова неожиданно захватил передаточный пункт Соловьева, находившийся в ведении Астанаева. С 16 по 22 октября имели место три перестрелки чоновцев с повстанцами, в ходе которых шестеро "бандитов" погибли, четверо - оказались ранеными, а один - плененным [16, л. 151; 27, л. 3; 36, л. 218; 49, л. 46; 52, л. 98; 55, л. 50; 56, л. 44; 116, л. 417; 128, л. 42; 130, л. 18-19, 21; 131, л. 40; 132, л. 1, 27, 77].

Комплекс мероприятий, осуществляемый военным, партийно-советским руководством Енисейской губернии, способствовал перелому ситуации в пользу советской власти. Её органы вместо продовольственного ввели единый натуральный налог. Учитывая уроки прежних кампаний, они вместе с усилением административных и судебных рычагов давления на крестьянство улучшили систему заготовок, а новые условия взимания налога уменьшили масштабы крестьянского саботажа.

В то же время на местах прекратилось преследование добровольно сдавшихся и амнистированных "бандитов". Быстрый разбор дел и гласное осуждение военных преступников, которые осуществляла созданная постановлением губернского Военно-политического совещания от 1 июля 1922 г. выездная сессия военно-революционного трибунала, сократили проявления красного бандитизма.

После налетов "банд" с убийством представителей советской власти по постановлениям Чрезвычайной тройки стали подвергаться казни содержащиеся при гарнизонах заложники - женщины и подростки из семей повстанцев. Расстрелять успели только 40 человек, так как президиум губернского комитета партии 10 октября высказался за расформирование Чрезвычайной тройки [15, л. 185; 46, л. 89; 76, л. 174, 179].

Казнь заложников вызвала справедливый гнев в повстанческой среде. Наряду с появлением воззвания местных органов, вновь обратившихся к "бандитам" с предложением о добровольной сдаче, она способствовала "разложению" повстанчества,

сдаче некоторых его участников и перемене мест их укрывательства. Позднее февральский (1923 г.) пленум губернского комитета РКП(б) сделал вывод о том, что Чрезвычайная тройка, сумев отвлечь симпатии населения от "бандитов", справилась с поставленной перед ней задачей [61, л. 1].

Несмотря на то, что заложничество подтолкнуло некоторых инородцев к новому бегству в тайгу и пополнению "банд", среди хакасского общества все явственнее становились признаки улучшения отношения к советской власти. В Синявинской волости женская часть населения, прятавшаяся от "бандитов", с появлением милиции вышла из укрытия, а хакасская молодежь, подвергавшаяся мобилизации в "банды", напротив, бежала в Минусинск. Даже мятежные жители Кызыльской волости, напуганные разгулом уголовщины, уже высказывались в поддержку коммунистов [18, л. 38; 117, л. 123].

С переводом Какоулина на должность командующего вооружёнными силами Ачинско-Минусинского боевого района здесь началось формирование истребительных групп не только из деревенских коммунистов и бывших партизан. Еще летом 1922 г. власти обратились за поддержкой к коренному населению. Оно, устав от грабежей и угроз, исходивших от красноармейцев и повстанцев, высказалось на волостных съездах за ликвидацию "бандитизма". Обеспечив добровольцев продуктами и фуражом, инородцы выставили 1080 человек и подарили чоновцам 120 лошадей. Из коренных жителей с использованием комсостава прежних частей были созданы истребительные отряды, насчитывавшие 1400 бойцов [17, л. 74; 46, л. 8].

Вскоре повстанчество стало терпеть поражения. В августе – октябре оно потеряло убитыми таких вожаков, как Марьясов, Самков, одного из Родионовых. Их "банды" и Николаевский отряд, пробивавшийся к Соловьёву из Кузнецкого уезда, подверглись частичному разгрому. Получив агентурную информацию о местонахождении соловьёвского зимовья, командование ЧОНа для его ликвидации выделило 365 бойцов, вооружённых семью ручными и станковым пулемётами. В начале

ноября эта группа по глубокому снегу пробилась к подножию горы Тигір тізі (Поднебесный Зуб). Повстанцы, вовремя заметив приближение противника, подожгли зимовье и, прикрываемые Соловьёвым, вырвались из окружения. В перестрелке погибли от семи до двенадцати человек и в результате тяжёлого перехода в снегу замёрзшими или полуживыми потом были обнаружены более 40 женщин и детей [17, л. 79; 62, л. 7- 8].

Утрата в зимних условиях своей главной базы и бегство из района, контролируемого чоновцами, имели для повстанчества катастрофические последствия. За ноябрь 1922 - январь 1923 г. были убиты 30-50, задержанными оказались 125-130 человек. Погибли вожаки Кулаков, Баринов, аресту подверглись Астанаев, Шадрин и Кийков, чуть позднее сдались Зиновьев и Королёв [17, л. 79; 60, л. 28; 62, л. 8].

В дальнейшем Соловьёву всё же удалось оживить повстанчество. Но больших сил, даже периодически соединяясь с "бандой" Родионова, собрать ему уже не удалось. В начале апреля 1923 г. для того, чтобы было удобнее скрываться, 20 соловьёвцев разделились на группы Плеханова, Емандыкова и Кульбистеева. К маю того же года они насчитывали 55-57 человек [64, л. 87]. Наиболее активными из них были повстанцы во главе с К. Кульбистеевым и Н. Емандыковым, которые дважды за апрель-май перестреливались с красноармейцами и коммунистами, а также захватили и до смерти избили председателя Кызыльского волостного комитета крестьянской взаимопомощи Кокова с тремя бойцами. 17 мая посланные на поиски "банды" 17 красноармейцев из 12-го ОН кавалерийского эскадрона под командой А. Никитина обнаружили вблизи селения Агаскыр 12 человек. В перестрелке четверо повстанцев, в т.ч. братья Кульбистеевы и Емандыков, были убиты, а Никитин получил тяжелое ранение [44, л. 90; 88, л.157, 166; 89, л. 15, 21; 124, л. 25, 34].

Летом 1923 г. соловьёвцы подвергли нападению Корниловский и Никольский волисполкомы, Карельское и Тайдоновское почтовые отделения, а также почту, следовавшую из Ужура в Минусинск. В сентябре

они совершили поджоги на Потаповском, Ивановском, Андреевском и Туманном рудниках. Истреблению подвергались сторонники советской власти - землемеры, инженеры, почтовые служащие и прииско- вая охрана.

Но и повстанцев становилось все меньше. Осенью того же года сдались Карелин и "банда" Родионова. Пытаясь развить этот успех, власти в очередной раз обратились к Соловьеву и его сообщникам с предложением сложить оружие, на которое ответа не последовало. В то же время состоявшееся образование Хакасского уезда окончательно лишило повстанцев массовой поддержки со стороны инородческого населения.

Судьба Соловьёва, его семьи и ближайшего окружения была трагичной. 23 ноября 1923 г. Енисейский губернский суд, рассмотрев дело 106 членов этой "банды", приговорил девять подсудимых, в частности Зиновьева, Королёва, Астанаева и Кийкова, к расстрелу. Весной 1924 г. в Кузнецком уезде было захвачено зимовье с родственниками повстанцев. Проходившие в с. Соленоозерном переговоры командующего ЧОН Хакасского уезда Н.И. Заруд-

нева с Соловьёвым закончились 24 мая 1924 г. его убийством [163, с. 228, 232-233]. Однако, потеряв своего вожака, небольшие группы хасхылар существовали на территории Хакасии и в дальнейшем.

Как и в целом по стране, начавшаяся октябрьскими событиями 1917 г. Гражданская война в восточных местностях Саяно-Алтая заключала в себе борьбу большевиков-коммунистов с политическими оппонентами и прежде всего с белыми, а затем и с крестьянскими мятежниками. Но здесь она отличалась отсутствием массовости участников, больших масштабов боевых действий и четко выраженных политических лозунгов. Влияние на события национального фактора не было определяющим. Используя возникший хаос, индифферентность большинства населения, слабую идеологическую обоснованность поведения своих противников и жестко нацеливая свою деятельность на взятие и удержание власти, коммунисты смогли достичь своей цели и начали отстраивать новое государство.

Статья получена 1 июня 2014 г.

Библиографический список

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Красноярскому краю (АУ ФСБ). Д. П.- 22960.
2. Белая гвардия. № 5. Белое движение на востоке России. М., 2001.
3. Борьба за власть Советов в Хакасии (1917–1923 гг.). Абакан, 1961.
4. Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. 1. Ч. 1. Красноярск, 1993.
5. Великий Сибирский Ледяной поход. М., 2004.
6. Воинов Н., Лебедев И. Огненные годы. Красная армия в Сибири. Новосибирск, 1927.
7. Воля Сибири. 1918.
8. Воспоминания участников Октябрьской революции в Минусинском уезде. Абакан, 1957.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 82.
10. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130.
11. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141.
12. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161.
13. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170;
14. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 273.
15. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 274.
16. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 299.
17. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 480.
18. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 498.
19. ГАКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 288.
20. ГАКК. Ф. 42. Оп. 3. Д. 391.
21. ГАКК. Ф. 42. Оп. 10. Д. 542.
22. ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 641.
23. ГАКК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 7.
24. ГАКК. Ф. 258. Оп. 1. Д. 64.
25. ГАКК. Ф. 448. Оп. 2. Д. 256 б
26. ГАКК. Ф. 448. Оп. 2. Д. 256 е.
27. ГАКК. Ф. Р.- 12. Оп. 3 с. Д. 4
28. ГАКК. Ф.Р.-49. Оп. 2 с. Д. 2.
29. ГАКК. Ф.Р.-49. Оп. 2 с. Д. 6.

30. ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 8.
31. ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 10.
32. ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 11.
33. ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 17.
34. ГАКК. Ф.Р.-49. Оп. 2 с. Д. 38.
35. ГАКК. Ф.Р.-49. Оп. 2 с. Д. 42.
36. ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 91.
37. ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 152.
38. ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 256 б.
39. ГАКК. Ф. Р.-53. Ф. 1. Оп.1. Д. 5.
40. ГАКК. Ф. Р.-53. Оп. 1. Д. 157.
41. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 302. Оп. 1. Д. 145.
42. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 151.
43. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 234.
44. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 325.
45. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 357.
46. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 369.
47. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 374.
48. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 385.
49. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 396.
50. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 410.
51. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 411.
52. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 418.
53. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 429.
54. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 434.
55. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 481.
56. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 493.
57. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 495.
58. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 496.
59. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 497.
60. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 666.
61. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 684.
62. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 685.
63. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 687.
64. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 705.
65. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 125.
66. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 126.
67. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 135.
68. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 136.
69. ГАО. Ф. П.-1. Оп.1. Д. 291.
70. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 137.
71. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 159.
72. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 160.
73. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 166.
74. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 200.
75. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 271.
76. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 275.
77. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 291.
78. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 297.
79. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 469.
80. ГАО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 10.
81. ГАО. Ф. Р.-1. Оп.1. Д. 186.
82. ГАО. Ф. Р.-1. Оп. 2 а. Д. 11.
83. ГАО. Ф. Р.-1. Оп. 2 а. Д. 14.
84. ГАО. Ф. Р.-1. Оп. 2 а. Д. 17.
85. ГАО. Ф. Р.-1. Оп. 2 а. Д. 31.
86. ГАО. Ф.Р.-4. Оп. 1. Д. 960.
87. Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917–1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М.-Л., 1934.
88. Государственно-казенное управление Республики Хакасия "Национальный архив" (ГКУ РХ НА). Ф. 473. Оп. 1. Д. 1.
89. ГКУ РХ НА Ф. 473. Оп. 1. Д. 3.
90. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р.-130. Оп. 2. Д. 613.
91. ГАРФ, Ф. Р.-393. Оп. 2. Д. 38.
92. ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 84. Д. 8.
93. ГАРФ, Ф. Р.-1235. Оп. 93. Д. 308.
94. Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков по материалам, собранным членом войскового правления К.И. Лаврентьевым / под ред. Н.Н. Князева. Харбин, 1940.
95. Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972.
96. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М.-Л., 1934.
97. Историческая энциклопедия Сибири. К-Р. Новосибирск, 2009.
98. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. Петроград, 1923.
99. Колтораков К.А. Этих дней не забыть. Красноярск, 1968.
100. Коняхина И.В. Мятеж Красноярского казачьего дивизиона в 1918 году (по документам Красноярского госархива и опубликованным источникам) // Гражданская война в Сибири. Красноярск, 1999.
101. Красноярский рабочий. 1924.
102. Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. (Протоколы и постановления съездов Советов, исполкома и отделов): Сб. док. Красноярск, 1960.
103. Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995.
104. Мартынов Н.А. Красное коммунистическое антиправительственное движе-

- ние против власти Верховного правителя адмирала Колчака в Енисейской губернии, начавшееся в ноябре 1918 года // Русская Атлантида. 2010. № 38.
105. Минусинский край. 1919.
106. Муниципальное учреждение "Архив г. Минусинска" (МУАГМ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1.
107. МУАГМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1.
108. МУАГМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2.
109. МУАГМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.
110. МУАГМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6.
111. МУАГМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 17.
112. МУАГМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 27.
113. МУАГМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 64.
114. МУАГМ, Ф. 8. Оп. 1. Д. 119.
115. МУАГМ, Ф. 8. Оп. 1. Д. 128.
116. МУАГМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 166.
117. МУАГМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 167.
118. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12.
119. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 35.
120. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 153.
121. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 225.
122. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 237.
123. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 262.
124. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 276.
125. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 304 а.
126. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 334.
127. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 365.
128. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 412.
129. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 480.
130. МУАГМ, Ф. 25. Оп. 1. Д. 490.
131. МУАГМ, Ф. 25. Оп. 1. Д. 492.
132. МУАГМ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 38.
133. Народный голос. 1919.
134. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005.
135. Отчёт Енисейского губернского экономического совещания Совету Труда и Оборона и Сибирскому экономическому совещанию с 1 октября 1921 г. по 1 мая 1922 г. Красноярск, 1922.
136. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг. Абакан, 1963.
137. Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. Л., 1925.
138. Попов Г.Н. Партизаны Заманья. Красноярск, 1974.
139. Рогозин. Партизаны Степного Баджея. М., 1926.
140. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1317. Оп. 2. Д. 741.
141. РГВА. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 2.
142. РГВА. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 7.
143. РГВА. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 8.
144. Сагалаков Э.А. VII Чрезвычайный съезд крестьян Минусинского уезда // Мартъяновские чтения (1989–1999 гг.): сб. докл. и ст. Минусинск, 1999.
145. Свобода и труд. 1917.
146. Свобода и труд. 1918.
147. Свободная Сибирь. 1918.
148. Свободная Сибирь. 1919.
149. Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010.
150. Сибирский исторический альманах. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. Красноярск, 2011.
151. Соха и молот. 1919.
152. Соха и молот. 1920.
153. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991.
154. Тарасов М.Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917–1922. М., 2011.
155. Тимофеев. История Ачинского конно-партизанского отряда // Возрождённые полки русской армии в белой борьбе на юге России. М., 2002.
156. Труд. 1918.
157. Труд. 1919.
158. Фонды Минусинского регионально-го краеведческого музея им. Н.М. Мартъянова (ФМРКМ). Оп. 1. Д. 543.
159. Форум "Гражданская война в Сибири" [Электронный ресурс]. URL: <http://siberia.forum24.ru/>
160. Шейнфельд М.Б. О рабочем продовольственном отряде станции Абакан // Записки Хакасского НИИЯЛИ. Вып. IV. Абакан, 1956.
161. Шекшеев А.П. Белоцарский бой. Трагическая страница в истории казачества // Тобольск и вся Сибирь: Альманах. № 14. Сибирское казачье войско. Тобольск, 2011.
162. Шекшеев, А.П. Военные мобилизации и призывы хакасов первой трети XX столетия // Мир Евразии. 2011. № 3.
163. Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006.

164. Шекшеев А.П. Крестьянские съезды Приенисейской Сибири в ноябре-декабре 1917 г. // Мир Евразии. 2012. № 1.
165. Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. Кн. 1. М., 2004.
166. Щетинкин П.Е. Борьба с колчаковщиной. Очерк партизанской борьбы на Минусинском фронте. Новосибирск, 1929.
167. Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2 (49).
168. Эльцин В. Крестьянское движение... // Пролетарская революция. 1926. - № 3 (50).

Сведения об авторах

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23, тел.: 8-3902-348583, e-mail: Turan47@yandex.ru

Sheksheev Alexandr Petrovich, PhD, senior researcher, Khakasian scientific-research institute of language, literature and history, 23 Schetinkina St., Abakan, Republic Khakasia, 655017, Russia, tel.: 8-3902-348583, e-mail: Turan47@yandex.ru